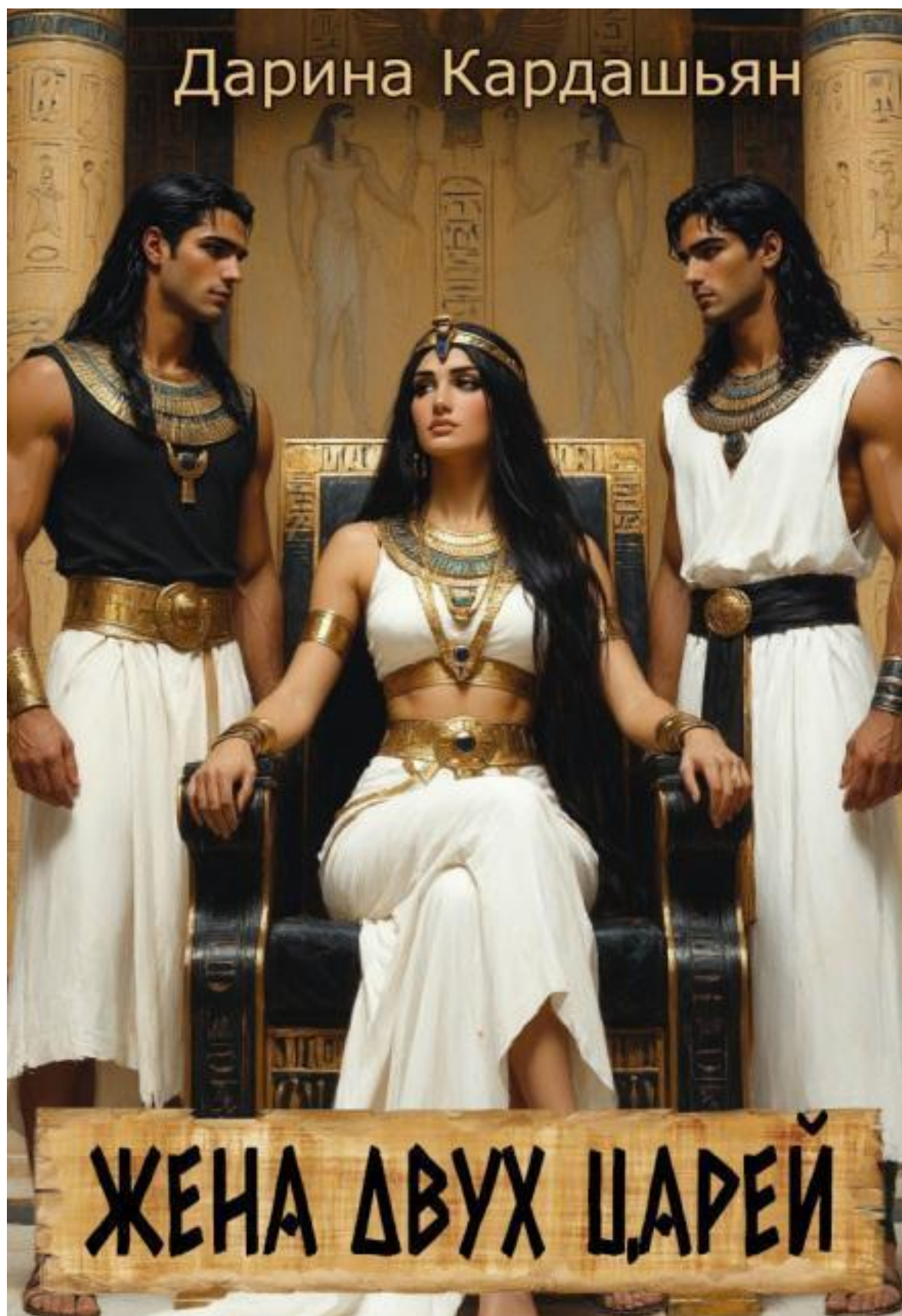

Дарина Кардашьян

ЖЕНА ДВУХ ЦАРЕЙ

Дарина Кардашьян

Жена двух царей

«Литнет»

2021

Кардашьян Д.

Жена двух царей / Д. Кардашьян — «Литнет», 2021

Решила поучаствовать в костюмированном представлении, а оказалась в древнем Египте, в теле одной из погибших цариц-близняшек. И как мне объяснить мужьям этих самых цариц, что я не имею к ним никакого отношения и иметь не хочу. Но кажется, что два чужих мужа совсем не против отыметь меня...

© Кардашьян Д., 2021

© Литнет, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	30
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	45
Глава 10	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Глава 1

- Не понимаю, Лерка, зачем это тебе, - болтала наша методист Света Яковлева, пока мы с ней надевали узкие льняные платья и обвешивались бусами, прикрывая голую грудь. – Ладно – я, мне легче титьки показать, чем где-нибудь в ларьке подторговывать. Но ты-то МГУ закончила, у тебя кандидатская...

- Зураб Георгиевич разрешил осмотреть палетту нулевой династии, - ответила я.

- Че-его? – изумилась Света, помогая мне повязать ленту поперек лба.

- У него в коллекции очень редкая палетта...

- Че-его? – теперь Света расхохоталась. – Какая-такая палетка?

- Палетта, - терпеливо поправила её я. – каменная дощечка, на которой растирали краски для лица – сурьму, румяна...

- Вроде древней косметички? – деловито спросила Света, обводя глаза жирной черной чертой а-ля Клеопатра.

- Ну да, - меня всегда удивляло, как можно работать у египтолога и нисколько не разбираться в египетских терминах. – Но палетты использовали и для ритуалов... Мне кажется, палетта Зураба Георгиевича относится к нулевой династии, а Кулаков говорит, что это Себен-нитская династия. Мне хочется доказать, что он неправ, а для этого надо осмотреть палетту. Зураб Георгиевич разрешил, но только если я буду присутствовать на его лекции. В качестве манекена, - тут я криво улыбнулась. Потому что Света была права. Не самое приятное - трясти перед студентами голыми грудями. Но чего не сделаешь ради науки.

- Можно подумать, он бы тебе эту палетту так не показал, - фыркнула Света. – Если бы ты согласилась посмотреть у него ещё кое-что.

- Свет, не смешно.

- А что смешного?! Дала бы ему пару раз – и делов-то!

- Мне это не подходит, - быстро ответила я.

- Вот зря ты так, - с сомнением протянула она. – Зурабик, конечно, не красавец, но вполне себе мужчина. И широко известен в узких кругах. Продвинул бы тебя, соавтором сделал...

- Не подходит, - повторила я уже резко, и Света пожала плечами и замолчала, надевая перед зеркалом египетский короткий парик.

Мне парик был не нужен. Волосы у меня от природы черные и немного вьющиеся. Пришлось, конечно, сделать челку и поспать ночь на папильотках – но это такие мелочи по сравнению с тем, что заветная палетта окажется в моих руках.

Для тех, кто не знаком с египетской историей, палетта – всего лишь каменная пластина для растирания красок. Такие можно увидеть в музеях. Примитивные рисунки, где все люди стоят в профиль, с повернутыми в сторону ногами, а плечи изображены в прямой разворот.

Но для меня эти рисунки, как и сами предметы, не были примитивными. В них я видела целый мир. Мир давно исчезнувший, таинственный... Такой же далекий и манящий, как звезды.

- Ты похожа на эту, - изрекла Света, окинув меня критическим взглядом, - на наложницу фараона из «Мумии».

Речь шла о популярном фильме, где актриса, изображавшая любовницу фараона, разгуливала голышом, прикрытая только волосами и рисунком черной краской на теле.

Я не удержалась и немного нервно хихикнула, потому что Света была права, и сейчас из зеркала на меня смотрела девица, место которой и правда было только на панели. Пусть даже на древнеегипетской.

- А мы ничо так, - бодро сказала моя подруга и расправила плечи, выставив вперед груди с подкрашенными алой помадой сосками.

- Студенты будут в восторге, - кисло признала я.

- Да что студенты, - Света фыркнула и покачала бедрами. – Думаю, Зурабик изнасилует нас прямо во время обряда.

- Мы – мумии, ты забыла? – пошутила я, стараясь скрыть неловкость. – А он – точно не некрофил.

Всё равно противно, что сейчас придется лежать полуголой, а кое-кто будет сопеть над тобой и слюни пускать.

- Если он полезет на меня, даже сопротивляться не стану, - объявила Света. – Мы не такие гордые, как вы, нам и Сумасшедший Профессор сойдет.

Лекции Зураба Георгиевича неизменно пользовались повышенным интересом. Потому что профессор Чкареули, он же – Зураб Георгиевич, он же – Сумасшедший Профессор, он же - Птахмос, Великий жрец бога Амона, отличался фантазией и изобретательностью, умудряясь сделать из обыкновенного урока увлекательное представление.

Сегодня он собирался изобразить перед слушателями и студентами обряд отверзания очей и уст, используя при этом древнюю палетту из своей коллекции. Именно на этой реликвии профессор разотрет минеральные краски – точно так же, как тысячи лет назад это делали древние египтяне, и нарисует меня и Свету, призывая душу прозреть и заговорить.

Да, мы со Светой собирались изображать покойных древних египтянок. Конечно, можно было использовать манекены, но Зураб Георгиевич совершенно обоснованно полагал, что живые женщины привлекут больше внимания.

Особенно, если эти женщины одеты на древнеегипетский манер, и будут сверкать голыми грудями.

- Ну что, пошли? – подруга в последний раз крутанулась перед зеркалом. – Надо будет с моим ролевыми играми устроить. Пусть представит себя фараоном!

- Замечательно, - пробормотала я, пытаясь бусами и волосами прикрыть соски.

В лекционном зале уже были установлены два «ложе Озириса», на которых мне и Свете полагалось изображать покойниц, окна были занавешаны, чтобы создать таинственный полумрак, плоские глиняные светильники, расставленные на столах и полу, заменили лампы.

Зураб Георгиевич – в набедренной льняной повязке, в тростниковых сандалиях, лысый и с жирно подведенными сурьмой глазами, потер ладони и засмеялся, увидев нас.

- Вот и вы, мои красавицы, - он оглядел нас масляным взглядом, а я постаралась запихнуть свою гордость куда подальше.

Терпи, Лера, терпи. Зато потом ты осмотришь эту чудесную палетту одна, не спеша, перепишешь все символы, чтобы расшифровать, и – кто знает? – вдруг сделаешь научное открытие.

- Светочка – сюда, - указал Зураб Георгиевич на одно ложе, Лерочка, вы сюда, - он указал на другое. – Осторожнее, я помогу, - он попытался приобнять меня за талию, но я отстранилась.

- Костюм помнёте, - сказала я дружелюбно, внутренне содрогаясь от его прикосновений.

Пусть Света говорит что угодно, но мне Чкареули совсем не нравится. Живот у него нависал над краем набедренной повязки, как арбуз, и уши торчали на лысой голове, как ручки античной амфоры. Жрец из него получился хороший, но любовник – точно никудышный. Даже проверять не хотелось.

- Только хотел помочь, Лерочка, - сладко промурлыкал профессор и облизнулся.

- Спасибо, сама справлюсь, - я легла на ложе, перекинула волосы на грудь, чтобы хоть как-то прикрыться, закрыла глаза и постаралась расслабиться.

Полежать всего лишь час – а потом заполучить желанный артефакт.

Только час, Лера... Потерпи только час...

Аудитория постепенно заполнялась голосами – это приходили студенты. Разумеется, наш вид очень обрадовал их, и поганцы тут же начали обсуждать, какая из «мумий» лучше.

Так и хотелось прикрикнуть на них, но я сдержалась.

Лучше думать о нулевой династии. Верхний Египет и Нижний Египет, попытки их объединения... Верхнему Египту покровительствует богиня-коршун Нехбет, Нижнему – богиня-кобра Уаджит...

Черная плодородная земля... Красные пески пустыни... Белая корона Нехбет... Красная корона Уаджит...

Я до такой степени улетела мыслями в прошлое Египта, что слушала лекцию профессора, как во сне. Он рассказал смысл обряда, процитировал древние заклинания, а потом перешел к демонстрации.

Чтобы пробудить мертвеца к жизни, полагалось коснуться его глаз и рта окровавленной бычьей ногой, потом резцом скульптора, а потом – мешочком с красной краской, растертой в пыль. Разумеется, бычья нога была не настоящей, а муляжом из папье-маше.

Главное, чтобы профессор не перепутал и не начал вместо глаз и губ расписывать мне грудь, чтобы полатать под благовидным предлогом.

- О, сестра моя Нофрет, - начал Зураб Георгиевич нараспев зачитывать заклинание на древнем языке, - я пришел обнять тебя, я надавил на твой рот, я ударил тебя, но ты молчишь. Я пробуждаю тебя, открываю тебе уста и очи резцом железным и пальцем румяным...

Он коснулся моих глаз и губ, и что-то капнуло мне на лицо. Я еле сдержалась, чтобы не утереться.

Пузатый развратник слюни на меня пустил, что ли?

Потом было прикосновение холодного металла, потом – мягкой ткани.

Затем полагалось нанесение ритуального макияжа, и я с трудом поборол желание открыть глаза и подсмотреть, как профессор будет растирать краски именно в той палетке, в которой давным-давно растирали краски жрецы... Или какая-нибудь наложница фараона подводи́ла глаза, пользуясь ею...

Палетку мне удалось увидеть только в течение минуты, пока профессор демонстрировал ее на пресс-конференции, объявив, что получил царский подарок от неизвестного мецената.

В интернете выложили фотографии палетки, но снимки получились неудачными – только и можно было рассмотреть, что на каменной пластине были изображены две женщины в головных уборах в виде птицы и змеи. Я считала, что это – великие богини Египта, Небтах и Уаджит, но Кулаков – вечный оппонент профессора Чкареули, тут же объявил, что палетка – всего лишь подделка, а если и оригинал, то позднего доптолемейского периода.

Но если мне удастся заполнить ее...

Меня словно окатило огнем – так захотелось поскорее взять в руки заветную вещь. Только бы лекция поскорее закончилась!..

Голос профессора звучал глухо, чувствовалось, что Зураб Георгиевич вошел в роль – на ходу придумывал новые фразы. Заключительная строка заклинания содержала имя Гора, которому полагалось оживлять мумию, но профессор переименовал ее, включив имя Амона. Конечно, вряд ли кто-то из студентов оценил такой творческий полет, но я поняла и оценила.

- Амон надавил на уста твои, и они открылись, - услышала я то, что не полагалось по сценарию лекции. – А я надавил на глаза твои и отверз очи твои...

Моих век, а потом и губ коснулся палец – это профессор наносил ритуальный макияж.

Черным цветом подводил глаза, красным красил губы.

Я «оживаю», глубоко вздохнув, и начала медленно приподниматься, стараясь делать это как можно театральнее – выгибаясь в пояснице, запрокидывая голову. Пусть уже Сумасшедший Профессор будет доволен, а я получу своё долгожданное сокровище...

- Твои глаза и губы сделаны, и ты идёшь! – торопливо проговорил Чкареули, а потом раздались приглушенные вскрики – кто-то удивленно ахнул, кто-то всхлипнул.

Наверное, мы со Светой «оживали» очень эффектно.

- Царица вернулась! – раздался торжествующий крик, и я вздрогнула от неожиданности и открыла глаза.

Лысый мужчина с жирно подведенными глазами смотрел на меня с восторгом и благоговением. И он был совсем не похож на Зураба Георгиевича.

Профессор пригласил статиста?

- Царица вернулась! – снова закричал лысый и грохнулся на пол, стукнувшись лбом.

Это было уже перебором, но я посчитала, что он просто хорошо вошел в роль. Так, теперь мне и Свете надо встать и поклониться, а потом... всё. Палетта в моих руках!

Я спустила ноги с ложа, встала и обернулась к аудитории.

Но ничего не было.

То есть не было кафедры, полукруглых столов, расположенных ярусами... Вместо них я увидела темные каменные стены, тускло освещенные двумя факелами и масляными лампами, стоявшими на полу справа и слева от моего ложа.

Около двадцати человек рухнули на колени, уткнувшись лбами в пол, и все они были лысыми, в льняных набедренных повязках...

- Что это? – пробормотала, оглядываясь.

Что-то потекло по щеке, и я машинально стерла густую каплю, а потом посмотрела на пальцы.

Кровь. На моих пальцах была кровь.

- Что это? – повторила я, но не услышала своего голоса, потому что горло словно сдавили невидимой рукой. – Где я?

Лысые люди дружно, как один, поднялись на коленях и вскинули руки в молитвенных жестах, а потом опять попадали лицом вниз. Потом снова подняли руки – снова опустили. Я наблюдала за этим, как в кошмарном сне.

А может, это и был сон?!

Точно! Я уснула на лекции, и теперь вижу... древний Египет...

Потому что люди в набедренных повязках очень походили на египетских жрецов... И так реалистично походили... Один из светильников зашипел и брызнул маслом...

Надо проснуться! Надо себя ущипнуть – и точно проснешься!

Я зажмурилась, но не успела себя ущипнуть, потому что светильник снова зашипел, и горячее масло попало мне на лодыжку.

Невольно отшатнувшись, я чуть не упала, но меня подхватили крепкие руки – подхватили с двух сторон, под локти.

- Моя жена вернулась из мира мертвых! – услышала я голос – сильный и звучный. – Хвала Амону, царица Нехбетнофрет снова с нами!

- Это *моя* жена вернулась, - раздался совсем другой голос – низкий, звучащий чуть надтреснуто. – Царица Нофрурененут воскресла, и я прижму ее к своему сердцу.

Сон продолжался, несмотря на боль от капельки раскаленного масла. Я открыла глаза и обнаружила, что стою совершенно голая между двух полуобнаженных мужчин. На них были лишь набедренные повязки, открывавшие мощные мускулистые ноги до середины ляжек, а на мне не было даже развратного льняного платья, даже бусы исчезли.

В любое другое время я с визгом бросилась бы прикрываться, но...

Это ведь сон? Такого ведь не может быть по-настоящему? Ведь не бывает таких красивых – до неприличия красивых! – людей.

Я покосилась сначала на одного, потом на другого. Голые торсы справа и слева от меня вполне можно было выставить в музее в качестве экспонатов под биркой «Мечта каждой жен-

щины». Я как замороженная разглядывала рельефные мышцы, идеальной прокачки пресса, а оба пресса тем временем начали тянуть меня в разные стороны – каждый к себе, очень поэтично переругиваясь на староегипетском раннем языке.

Я понимала через слово, но всё же понимала, и с удивлением посмотрела сначала на одного мужчину, потом на другого.

Меня держали двое самых прекрасных мужчин на свете, каких только может вообразить женская фантазия. Они были чем-то похожи – смуглые, поджарые, с миндалевидными глазами, подведенными сурьмой, с ровными, словно выточенными резцом искусного мастера, носами, с четко очерченными губами. Оба высокие, одинакового роста, но у одного волосы были немного светлее и глаза были – прозрачные, светлые, второй же был черноглазым и черноволосым, с небольшой черной бородкой.

Да, волосы у них были свои, а не парики. У того, что с бородкой – спускались ровной волной до плеч, у того, что со светлыми глазами – лежали пышной непокорной шапкой, прикрывая уши.

Прикосновения этих мужчин взволновали и разгорячили меня, тем более что каждый из них старался прижать меня к себе покрепче. Соски мои напряглись, и каждое прикосновение к мускулистым торсам отзывалось в моем теле вполне определенно – мое тело хотело их. Этих невообразимо красивых мужчин. Прямо здесь, прямо сейчас... От всплеска животного желания мне стало жутко и страшно.

Где-то в глубине сознания подумалось, что профессор совсем спятил – опоил меня каким-то наркотиком и пригласил порноактеров, чтобы устроить перед студентами настоящую древнюю оргию. Но... где же студенты?.. И где профессор?..

И почему этот сон никак не проходит?..

- Великие! – перед нами появился лысый жрец, что первым закричал о пробуждении царицы. Он выставил вперед ладони, пытаясь остановить переругивающихся мужчин. – Не надо спорить. Надо спросить царицу – кто она.

Это возымело действие, и мужчины нехотя отпустили меня, позволив стоять свободно. Я сразу вспомнила о скромности и прикрыла ладонями гладко выбритый венерин холмик внизу живота.

- Одежду царице! – приказал лысый жрец, и мне тут же поднесли льняное белое покрывало, в которое я быстро закуталась.

Но облегчения это не принесло. Горящие соски царапнули по ткани, и я едва не застонала, испытывая самое сильное возбуждение в своей жизни. Кто бы мог подумать, что для этого всего-то и нужно, что появиться голой перед толпой мужчин! Или... перед двумя красивыми мужчинами.

- Назови свое имя, царица, - спросил жрец, и мужчины уставились на меня настороженно. – Чья душа вернулась в этот мир – прекрасной Нехбетнофрет или совершенной Нофрурененут?

Повисла тягостная тишина, когда все смотрели на меня, а я понятия не имела, что надо ответить. Нехбетнофрет? Я тут же перевела это имя – красивая Нехбет, богиня-коршун. Нофрурененут – совершенство кобры, богини-змеи Уаджит.

Но какое отношение эти имена имеют ко мне? К Лере Самсоновой?

И где Светка, которой тоже полагалось «воскреснуть»?

Я обернулась на соседнее ложе. Светка лежала, как мертвая, а ведь обряд закончился, и нам надо было кланяться и убираться отсюда подальше.

- Свет? – позвала я тонким голоском.

Но она даже не пошевелилась.

Меня охватил панический ужас, и возбуждение моментально схлынуло. Я вырвалась от красавцев и подбежала к ложу, наклоняясь над своей напарницей по спектаклю. Но на ложе лежала вовсе не Светка...

Здесь лежало обнаженное тело женщины, похожей на меня, как две капли воды. На её коже виднелись бурые пятна – как будто капли темно-красной краски. Глаза и губы ее были накрашены, как после ритуала отвержения глаз и уст.

Это мое тело? Но почему я – не в нем?!

И как вернуться обратно?

Рядом, на низком каменном столике истекла кровью настоящая бычья нога. От тошнотворного запаха крови и мертвого тела у меня снова закружилась голова.

Как же мне вернуться? Как освободиться от этого странного и жутковатого сна?

- По-моему, она сожалеет, что убила *твою* жену, - сказал темноволосый красавец низким хрипловатым голосом.

- Просто желает убедиться, что с *твоей* женой покончено, - парировал светлоглазый и позвал, обращаясь ко мне: - Сладость сердца, идём, мне не терпится отпраздновать твое возвращение.

- Почему это моя жена должна идти с тобой? – ошетинился темноволосый. – Нофру принадлежит мне, а я ей, и это в наших покоях сегодня будет праздник.

- Пусть царица ответит! – вмешался жрец уже с заметным раздражением. – Кто ты, блистательная! Мы хотим знать, чьи земли сегодня будут радоваться и петь, а чьи – проливать горькие слезы. Кто ты – правительница страны папируса или страны тростника?

Страна папируса... страна тростника... Так называли Верхний Египет и Нижний Египет. Неужели?..

Мне стало трудно дышать. Я схватилась за горло, пытаюсь глотнуть воздуха, взгляд мой метнулся по каменным стенам и остановился на круглом зеркале – золотистом в свете факелов. Из его глади на меня смотрела я сама – такая же, какой я помнила себя в реальной жизни, только лицо у меня было перемазано кровью...

Но это означало, что труп передо мной – не мое тело. Просто двойник. Невероятно похожая на меня женщина. Или я – невероятно похожая на нее.

- Где я? – спросила я жалобно, отшатываясь от трупа. – *Кто*я?..

В горле словно застрял комок, легкие сдавило, а потом в глазах потемнело, и я полетела куда-то вниз... вниз... в черную пропасть, где не было дна.

Глава 2

- Их было две сестры, - услышала я сквозь дрему женский голос, говоривший нараспев, - они родились в один день, и были похожи, как похожи две тростинки. Отец так любил их, что запретил называть кого-то старшей, кого-то младшей, в его глазах они были равны. Он оставил в наследство одной – верхние земли, второй – нижние, чтобы они обе были царицами. Но время шло, и царицам стало мало их земель, каждая хотела захватить владения сестры. Три дня назад они прибыли в священный город белых стен, чтобы присутствовать на празднике начала жатвы, но повздорили и убили друг друга...

Я открыла глаза и увидела легкий тканевый полог над головой. Полог равномерно колыхался, обеспечивая движение воздуха.

- Но одна-то выжила! – услышала я другой голос – тоже женский, но гораздо моложе и звонче.

- Одна смогла вернуться, - важно поправила первая женщина. – Знать бы ещё – какая.

Я чуть повернула голову и увидела странную пару – женщина средних лет в пышном парике, завитом спиральными локонами и украшенном золотыми нитями, сидела у открытого окна, задумчиво подперев голову, а у ее ног расположилась юная девушка, чьи волосы беспорядочно и естественно сбегали черным водопадом на плечи и спину, собранные надо лбом расшитой лентой. Девушка дергала веревку, прикрепленную к пологу, и раскачивала его.

И женщина, и девушка были одеты в белые платья из тонкого льна, а на женщине был ещё и плащ, завязанный узлом на груди, открывавший левое плечо. Стены комнаты, где мы все находились, украшали рисунки лотосов, растущих из воды. По стилизованным волнам плыли рыбы и черепахи, а гребцы в нарисованной лодке стояли в профиль, в то время как плечи были развернуты к зрителю.

Египетский сон продолжался, и мне это совсем не понравилось. Никогда раньше мне не снились такие реалистичные сны, чтобы я ощущала движение воздуха, чтобы было так жарко, что даже прикосновение простыней казалось неприятным. Очень хотелось пить – во рту было сухо и песок скрипел на зубах.

Я сильно ущипнула себя за руку, собираясь покончить с этим жутким сном, но боль в руке ощущалась всё сильнее, а пробуждение так и не последовало. Я беспокойно зашевелилась, и женщины у окна сразу оглянулись в мою сторону.

- Царица очнулась, хвала солнцу и воде! – пробормотала пожилая, с трудом поднялась со стула и подошла, с тревогой глядя на меня в лицо. – Ты назовешь нам свое имя, царица? Как нам к тебе обращаться? Как к великолепной Нехбетнофрет или блистательной Нофрурененут?

Девушка тем временем поднесла мне кувшинчик и чашку, наливая светлый пенящийся напиток.

- Выпей, царица, - сказала она боязливо. – Оно охлажденное, подкрепит и подбодрит тебя.

Но я оттолкнула чашку, несколько капель напитка упали на белые простыни. Пить непонятно что было просто опасно, особенно после того, что мне чудилось – полуголые красавцы, труп с измазанными бычьей кровью щеками...

- Воды, - сказала я, вспомнив нужное слово.

- Принеси воды, Сатмут, - велела девушке пожилая женщина, а когда девушка убежала, снова спросила у меня: - Ты помнишь свое имя, царица?

Я медлила с ответом, потому что не знала, что отвечать. Прикрывшись простыней, я села на кровати, перекинув волосы со спины на грудь, чтобы было не так жарко.

Сатмут вернулась, держа чашку, полную воды. Я взяла чашку и жадно напилась. Станный сон продолжался – и в этом сне я утолила жажду и вытерла пот со лба.

А может, это не сон?..

Мысль испугала и позабавила меня одновременно. Любительница древнеегипетской истории сошла с ума и теперь видит себя в образе какой-то царицы. Но истории не известны жены фараонов с такими именами - Нехбетнофрет и Нофрурененут. Хотя, правители Египта любили менять имена и называться красивыми эпитетами. Как же узнать, что за эпоха мне чудится? Конечно же, узнать имя правящего фараона.

- Где мой отец? – спросила я, тщательно подбирая слова. Произношение отличалось от того, что было мне известно. Но ведь никто не может достоверно сказать, как звучала египетская речь до нашей эры.

Я была уверена, что вижу одну из ранних династий. Да иначе и быть не могло – ведь я интересовалась только ими, правление Птолемеев было для меня уже греческой историей.

- Где мой отец? – повторила я уже увереннее. – Хочу его видеть.

- Царица... - пожилая женщина схватилась за амулет глаза Хора, висевший у нее на груди, - ты забыла, что твой отец, великий Нармер, ушел к предкам год назад?

Нармер... Великий Сом – так переводилось имя фараона... Объединитель Египта, последний правитель нулевой династии... Тридцать второй век до нашей эры... Невообразимая древность...

Но у фараона Нармера не было дочерей. По-крайней мере, нам ничего о них не известно. Нам, вообще, ничего не известно о наследниках этого правителя. А следующим фараоном объединенного Египта стал Менес, основатель первой династии...

- Голова... кружится... - сказала я, чтобы выгадать время. – Ничего не помню... Не помню, кто я...

В это время раздались шаги, голоса, и в комнату стремительно, как ветер, ворвались двое уже знакомых мне красавцев.

- Моя жена пришла в себя! Почему не доложили! – возмутился светлоглазый и хотел взять меня за плечо, но черноволосый сильно ударил его по руке.

- Э, *моя*жена пришла в себя, - лениво протянул он, становясь между мною и светловолосым. – Тебе, о великий Джет-Хор, следует позаботиться о погребении. Найми плакальщиц, твоей жене нравилось, когда вокруг плакали.

- Плакальщицы понадобятся тебе, - почти ласково возразил светлоглазый, которого называли Джет-Хором, - если попытаешься встать у меня на пути. Моя жена принадлежит мне.

- Это моя жена. Хочешь сказать, я не узнаю свою царицу?

- Не хочу, а говорю это прямо, и...

- Царица не помнит, кто она, - произнесла вдруг пожилая женщина замогильным голосом. – Она сказала, что ничего не помнит.

- Что?! – мужчины забыли о ссоре и уставились на меня.

- Ничего не помню, - сказала я, потупившись, потому что смотреть на них – полуголых и таких красивых, было тем ещё испытанием. – Кто вы?

В комнате стало тихо, только Сатмут тихо всхлипнула. Мужчины переглянулись и одинаково нахмурились. Я осмелилась посмотреть на них и увидела в их взглядах недоверие. Они не верили мне. И правильно делали, между прочим.

- Не помнишь? – черноволосый прикусил нижнюю губу, оглядывая меня пристально, чуть прищурившись. – Царица, я – твой муж, Хиан-Хор, правитель Нижнего...

- Только лгать не надо, - презрительно перебил его светлоглазый. – Это я – ее муж...

Джет-Хор. Я помнила, что черноволосый называл его великим Джет-Хором. Два Хора, два сокола... Двойной Сокол. Это имя фараона из нулевой династии. Согласно Гюнтеру Дрейеру, известному немецкому египтологу, Двойной Сокол правил в Нижнем Египте в период после того, как фараон Нармер объединил Верхний и Нижний Египет... Считалось, что удвоенное имя обозначало, что фараон Двойной Сокол правил ещё и на полуострове Синай... Но

что если Двойное имя обозначало двух царей, а не одного, и оба они правили на материке, а не на полуострове?..

Я слышала, что некоторые открытия в науке делались во сне. Может, и я сейчас сделаю во сне сногсшибательное открытие?..

Если только эти двое полуголых «соколов» не будут стоять так близко, смущая рельефными торсами и узкими бедрами, обтянутыми набедренными повязками. Можно подумать, льняная ткань сейчас треснет на их попках. И попки, наверное, твердые, как орешки... И не только попки...

Меня бросило и в жар, и в холод, и я решила избавиться от обоих раздражителей.

- Устала, - сказала я и легла в постель, укрывшись покрывалом, хотя было почти нестерпимо жарко, и отвернулась к стене. – Оставьте меня.

- Царица устала, великие, - сказала пожилая женщина. – Лучше бы вам покинуть нас. Великой надо отдохнуть.

Я услышала недовольное сопенье, но потом мужчины покинули комнату, и мне сразу вздохнулось свободнее.

- Царица не желает никого видеть? – услужливо спросила пожилая женщина. – Я правильно поняла?

- Да, - коротко ответила я, чтобы не выдать себя неправильным произношением.

Речь я более-менее понимала, но сама боялась говорить слишком много. Сон был слишком реалистичным, а проснуться никак не удавалось. И кто знает... вдруг ритуал профессора сработал? И меня каким-то непонятным образом занесло в эпоху нулевой династии, в 3200 год до нашей эры? Невероятно, но разве древние египтяне не обладали такими знаниями, которые поражают даже современных ученых? И разве сами египтяне не были тысячи лет убеждены, что могут воскрешать мертвых?

Стоп, Лерка. Ты точно сходишь с ума, если решила, что подобное возможно.

- Может, царица хочет принять ванну? – прервала мои размышления пожилая служанка.

Ванну? Да, это было бы очень кстати. Для сна здесь было жарковато, и я поняла, что просто мечтаю окунуться в воду.

- Царица хочет, - ответила я коротко. – И назови свое имя, я его не помню.

- Яхотеп, великая, - ответила женщина, даже не моргнув глазом. – Я троюродная сестра твоего отца, великого царя Нармера. А это – моя племянница – Сатмут. У тебя есть ещё слуги, и если ты желаешь позвать их...

- Не желаю, - прервала я ее. – Хочу купаться.

- Тогда следуй за мной, я провожу тебя к бассейну, - Яхотеп указала Сатмут на опахало из перьев, и та схватила его, принявшись обмахивать меня.

Толку от этого обмахивания не было, и я, завернувшись в покрывало, потащилась за Яхотеп, вытирая пот со лба. Волосы показались жаркими, они грели спину, как мех. Я перебросила их на грудь и подумала, что царицы Египта сбрасывали волосы со всего тела, в том числе и с головы. Это кажется странным только до тех пор пока не испытаешь на себе невыносимую жару.

Бассейн располагался в комнате с крышей, но без стен. Мы поднимались туда по длинной винтовой лестнице, и это было удивительно – ведь проще сделать бассейн внизу, чтобы почаще менять воду... Я лихорадочно вспоминала – как обстояли дела с чистоплотностью у египтян. Мне совсем не хотелось купаться в лохани, где собрана протухшая дождевая вода.

Мы одолели последние ступени, и я не смогла сдержать возгласа удивления. Передо мной был овальный бассейн с самой чистой и прозрачной водой, какую только можно было вообразить. В него постоянно вливалась вода из каменной трубы, а стоки в бассейне были закрыты золотыми решетками. Край бассейна украшала мозаика из малахита и лазурита, изображая

зелено-голубые волны, и на них виднелись золотые пластинки с чеканкой в виде длинных лодок.

Я позволила забрать покрывало и с наслаждением погрузилась в прохладную воду, приласкавшую мое разгоряченное тело. Конечно, было странно купаться совершенно голой в присутствии незнакомых женщин, но во сне можно было и потерпеть. В конце концов, это женщины, а не предполагаемые мужья.

Мужья!.. Мне стало жарко даже в холодной воде. Каждый думает, что я – его жена. А я не жена, и вовсе не царица. И мне надо поскорее придумать, как вернуться обратно. Нет, жизнь Египте, где ты – дочь царя, очень даже неплоха. Но... как прожить без интернета, без сотовой связи? А если заболят зубы? Или аппендицит?.. Я вздрогнула и со страхом посмотрела на Яхотеп и Сатмут, которые растирали в чашках какие-то таинственные притирания, пахнувшие сладко и свежо. Нет, спасибо. Пусть этот сон снится кому-то другому.

Но через полчаса я была почти согласна, чтобы сон продлился подольше. После купания Сатмут уложила меня на ложе, покрытое мягкими покрывалами, и растерла маслом от шеи до пяток. Никогда еще мне не попадалась такая опытная массажистка. Она просто творила волшебство своими маленькими пальчиками. В ее руках я расслабилась и задремала, хотя нет ничего более странного, чем сон во сне.

Я слышала, как печально кричит где-то высоко в небе коршун – тонко, протяжно, как где-то звенит гонг, созывая жрецов на молитву, и лежать в тени, когда ветер дует легко-легко, словно обмахивает опахалом, было необыкновенно приятно.

Подремав около часа, я проснулась посвежевшая, отдохнувшая, и почти довольная.

Сатмут сразу же принесла каменную палетту, которую я рассмотрела с огромным интересом. Она была круглой, с изображением богини с львиной головой. В середине были два прямоугольных углубления с черной и зеленой краской, а к ним примыкала квадратная ямка, где находилась киноварь, смешанная с растительным маслом.

- Позволь, я накрашу тебя, царица, - предложила Сатмут, держа в одной руке палетту, а в другой – костяную палочку, которой полагалось накладывать краску на глаза и губы.

В этом мире я оказалась именно после того, как Зураб Георгиевич нарисовал меня красками из древней палетты. Может, сейчас произойдет обратная реакция? И я перенесусь домой? В свое собственное тело?

Закрыв глаза, я подставила служанке лицо, и она быстро и умело нанесла краску, подведя мне глаза и нарисовав стрелки почти до висков.

Чуда не произошло, и я не очутилась опять в аудитории, перед студентами. Я так и продолжала лежать на мягком ложе, в комнате без стен, а надо мной склонились служанки, готовые исполнить любой приказ.

- Губы не крась, - сказала я, когда Сатмут набрала на другую палочку красной краски. – Хочу есть.

Яхотеп тут же захлопотала, подавая мне сандалии – сделанные из кожи тонкой выделки, с широкими и мягкими ремешками, которые полагалось завязывать вокруг щиколоток. Она сама завязала ленты и расправила их концы, а потом надела мне на щиколотки по два золотых браслета.

Сатмут принесла платье, и я уставилась на него, сильно подозревая, что надо мной решили поиздеваться.

- Не надену, - заявила я, для убедительности махнув рукой.

Сатмут и Яхотеп переглянулись, а потом Яхотеп спросила:

- Что царице не нравится?

- Это – не платье, - сказала я.

Это и правда не было платьем. Это был какой-то разврат на разврате. Полоска ткани под грудью, крупная сетка до колен, грудь прикрыта символическими чашечками, которые

держатся на тонких бретелях из сетки с более мелкими ячейками. Никакого нижнего белья к этому не полагалось, насколько я смогла понять.

- Царице не нравится? – Яхотеп выглядела растерянной, а Сатмут – и вовсе испуганной.

- Не нравится, - отрезала я.

- Не гневайся, великая, - Яхотеп молитвенно сложила руки. – Мы немедленно подадим тебе другой наряд.

И они подали – такой же развратный, из тонкой, полупрозрачной ткани. Я отказалась и от этого платья, а когда принесли третье – такое же на просвет, только красное, как на картинах о римских куртизанках, я не стала больше ничего говорить, а ткнула пальцем в простое белое платье, которое было надето на Яхотеп.

- Ты хочешь простое платье, царица?! – изумилась женщина, и ее накрашенные брови взлетели почти до челки парика. – Я правильно тебя поняла?

- Правильно, - подтвердила я.

Она казалась ошарашенной, но приказала принести платье из плотной льняной ткани, и я надела его, с облегчением скрыв наготу.

- В нем будет жарко, - с сомнением произнесла Яхотеп, разглядывая меня. – И ожерелье будет не так красиво смотреться.

- Не надо ожерелий, - я с содроганием представила, как меня обвешают какими-нибудь бусами. В такой жаре и без них было тяжело дышать.

Яхотеп осталась недовольна моим решением, но спорить не стала, лишь поджала губы. А я поняла, что она была права, когда спустилась из купальни в жилые комнаты. Стоило отойти от воды, как стало нестерпимо жарко, я вспотела, влажная одежда противно липла к телу. Но переодеваться в прозрачные ткани я не собиралась и решила, что как-нибудь дотерплю до вечера, если еще раньше не перенесусь обратно в реальный мир.

А пока я застряла в египетском сне, можно было и поесть.

Мне принесли несколько блюд с фруктами – инжиром, виноградом. Принесли блюдо с выпечкой – булочками, посыпанными кунжутом, изюмом, смазанными вареньем из розовых лепестков и уваренным виноградным соком. Еще были мясные тефтельки, вареные овощи и несколько соусов – легких, из разбавленного кислого молока, все разных цветов и вкусов.

Чашки были из стекла – знаменитого египетского стекла, за которое в древности платили золотом. Словно выточенные из голубоватого и зеленоватого льда, тарелки и чашки одним своим видом дарили прохладу, а еда, которая подавалась, в них казалась приятно-холодной.

С аппетитом поев, я улеглась под балдахин, который раскачивала Сатмут, и принялась расспрашивать Яхотеп, сославшись на потерю памяти, и узнала много интересного.

Город, в котором я очутилась, назывался Инебу-Хедж. Я перевела его название как «Белые стены», но не смогла понять, что это за город, известный по историческим работам – Абидос, Накада или еще какой-то из городов Верхнего Египта. А мы находились именно в Верхнем Египте, в этом я была уверена.

По словам Яхотеп, Город Белых Стен основал и построил Нармер – великий царь, объединивший земли Верхнего и Нижнего Египта. Он же утвердил обычай каждый год праздновать в Инебу-Хедж начало сбора урожая. Этот день был поклонением царю и его семье, а также обрядом плодородия в честь бога Мина, который должен был подарить стране богатый урожай в следующем году, а царю – наследников. Так продолжалось на протяжении всей жизни царя Нармера, и три года после его смерти. В этом году в Инебу-Хедж приехали две дочери царя – Нехбетнофрет, правительница Верхнего Египта, и Нофрурененут – правительница Нижнего Египта. Вместе с ними были их мужья – царь Джет-Хор и царь Хиан-Хор.

Через неделю должен был состояться торжественный вынос статуи бога Мина и ритуальное срезание первого пучка колосьев, а потом ожидался праздник на девять дней. Но случилось страшное – царицы заперлись в святилище храма, а потом оттуда послышались брань,

проклятья и крики боли, а когда цари выломали двери, то обнаружили лишь два бездыханных тела.

Глава 3

- На них не было ни единой царапины, на наших великих, - рассказывала Яхотеп со страхом и благоговением, - но они обе не дышали. Жрецы положили их на ложа Озириса, и пока тела не остыли, провели обряд по возвращению душ. Но отозвалась только одна душа, царица – твоя. А твою сестру вернуть не смогли. И её уже унесли в зал погребения. Сегодня жрецы извлекут её внутренности, и бог смерти принесет им погребальные пелены.

- Но как нас не узнали? – спросила я, невольно захваченная этой фантастической историей. - Почему мужа не узнали своих жен?

- Как же узнать?! – воскликнула она, всплеснув руками. – Вас даже родная мать не могла различить! С самого детства! Она хотела сделать старшей царевне татуировку солнца, а младшей – татуировку луны, но царь Нармер запретил. Он сказал, что любит вас одинаково, и не желал знать, какая из вас старше, а какая младше. Такая любовь похвальна, - Яхотеп назидательно вскинула палец, - но тем самым царь внес смуту в нашу жизнь.

- Почему же? – я слушала с таким любопытством, что даже позабыла об изнуряющей жаре.

- Потому что с самого раннего детства вы с сестрой спорили, кто из вас старше и важнее. И чем дальше, чем сильнее спорили. Вот чем это закончилось – смертью и неразберихой.

- Но если царицы были похожи... то есть мы с сестрой, - поправила я торопливо, - почему нас не смогли различить по украшениям? По одежде?

- Из одежды на вас всего-то и было – по нитке бус и цветам лотосов в волосах, - проворчала Яхотеп. – А когда вас нашли, вы обе лежали голые, а вокруг валялись рассыпавшиеся бусы. Наверное, вы подрались, царица, и боги наказали вас за ссоры.

- Возможно, так все и было, - прошептала я.

- Но не будем о грустном, - сказала женщина, подавая мне охлажденной воды. – Скоро жара спадет, и если ты пожелаешь – мы прокатимся по Великой реке на лодке. Госпожа Нехбетнофрет любила такие прогулки. Может, ты вспомнишь – нравились они тебе или нет?

Прогулка по Древнему Нилу? Сердце мое забилося. О таком профессора из моего университета могли только мечтать. А я увижу все своими глазами. Пусть это сон, пусть какое-то странное наваждение – но как отказаться?

Я согласилась, и вечером, когда спустились мягкие, душистые сумерки, принесшие хоть какое-то освобождение от жары, Яхотеп и Сатмут повели меня к царской пристани.

Яхотеп настояла, чтобы нас сопровождали десять служанок и десять воинов-охранников, и я не стала спорить. Пусть едет хоть кто, лишь бы мы отправились поскорее. Перед прогулкой служанка уговорила меня переодеться. Сменить льняные одежды на платье, приличествующее царице.

- Тебя примут за жену торговца, великая! – возмутилась она. – Надень то, что следует носить дочери богов. А если боишься продрогнуть, накинem покрывало.

Скрепя сердце, я согласилась, и когда почти невесомая белая ткань окутала меня, поняла, насколько Яхотеп была права. Ткань ласкала кожу нежно, словно дуновение ветра. Совсем не жарко, не стесняет движений, приятна коже – чего ещё можно желать от одежды? Когда же меня подвели к зеркалу, я открыла рот, не поверив, что вижу себя. В этом полупрозрачном одеянии я казалась не дочерью богов – а настоящей богиней. Платье окутывало фигуру, как сияющий ореол. Не скрывая ни единой линии, но в то же время создавая тайну, скрывая и одновременно подчеркивая женскую красоту.

- Ещё ожерелье, великая, - Яхотеп, пока я не опомнилась, надела мне на шею солнечное ожерелье – полукруглое, из нескольких рядов плотно нанизанных каменных бусин. Они при-

ятно охладили кожу, будто я окунулась в бассейн. – Вот, теперь хорошо, – похвалилась Яхотеп, с удовольствием окидывая меня взглядом. – Идем, госпожа.

Мы спустились по лестнице, вышли во внутренний двор, прошли по саду и оказались на пристани. Здесь, на излучине, стояли всего два корабля и одна длинная лодка. Зато в стороне, на расстоянии километров пяти, где вдоль берега стояли белокаменные дома, я увидела много лодок и кораблей. Там сустились люди, похожие издали на муравьев. Они что-то носили, катили, толкались и размахивали руками. Там кипела жизнь, а здесь все было тихо и спокойно, как и полагается в обители богов.

Гребцы сели на весла, и лодка плавно двинулась по воде. Огромная река казалась синей, с алыми отблесками заката на волнах. В красноватых небесах висело тусклое оранжевое солнце, вдоль берега пышно росла зелень – кустарник и трава, а над ними гордо красовались стройные пальмы. Дальше зеленой полосы и белых городских стен виднелись красноватые песчаные холмы. Там начиналось царство бога Сета – Красная Пустыня.

Теперь я окончательно убедилась, что не спала. Сон не может быть таким реальным. И это совсем не походило на горячечный бред или видения сумасшедшего. Всё было таким реальным, таким настоящим...

Неужели, это всё – наяву?

Я стояла на палубе, возле носа лодки, держась за веревку, натягивавшую парус, не пожелав сидеть под тентом, на мягких подушках. Мне хотелось вдоволь насладиться этой прогулкой – ветром, бьющим в лицо, брызгами воды, когда поднимают весла, жарким и душистым воздухом... Только сегодня я со Светкой изображала мумий на лекции профессора Чкареули, который играл в египетские обряды, а сейчас я видела всё это своими глазами. И это была не игра. Наоборот, игрой теперь казалось всё, что было раньше – мой родной город с вечно хмурым и серым небом, изучение палетт через музейное стекло...

Мы свернули за излучину, и навстречу нам выплыла другая лодка – гораздо больше и шире чем наша. С каждой стороны я насчитала по пятнадцать весел. Гребцы дружно взмахивали ими, вспенивая синие волны, а на палубе был натянут тент из синей ткани. Под тентом, на расстеленном ковре, сидели два царя – Джет-Хор и Хиан-Хор. Насколько я смогла разглядеть, они играли в какую-то настольную игру. Но вот к ним подошел слуга, что-то сказал, указывая на нашу лодку, и оба царя подняли головы и посмотрели в мою сторону.

Лодки проплыли совсем рядом, и гребцы подняли весла, чтобы не зацепиться. Я ещё крепче вцепилась в веревку, за которую держалась. Двое потрясающих мужчин – самых красивых мужчин на этом свете, смотрели на меня, полулежа на коврах, среди ярких подушек. Мужчины были голыми, и даже не подумали прикрыться от меня. В лучах предказнатного солнца их тела – гладкие, с рельефно выступающими мышцами – казались отлитыми из металла. Из светлой меди – у Джет-Хора, из темной бронзы – у Хиан-Хора. Я не удержалась и мазнула взглядом по их мужским достоинствам – сейчас расслабленным, но всё равно внушительных размеров. И выглядели они – как произведение искусства сами по себе.

Интересно, что чувствуешь, когда приобщаешься к такому искусству?..

Я понимала, что думаю совсем не о том, о чем следует, но не могла оторвать от глаз от красавцев-царей. И они тоже глядели, не отрываясь. В их взглядах я видела алчность, страсть и... страх. Кого они хотели? Своих жен, разумеется. Жен, которые дарили им не только любовь, но еще и власть. Ведь в Древнем Египте земельные наделы передавались по наследству по женской линии. Чего боялись? Каждый боялся оказаться вдовцом. Я прекрасно понимала чувства молодых царей. Один из них рано или поздно получит свою жену, второй окажется вдовцом. Вдовец потеряет право на половину страны, и доля покойной жены отойдет выжившей сестре.

Конечно, при таких обстоятельствах каждый «узнает» во мне свою возлюбленную супругу. Но только я не была ни царицей Нехбетнофрет, ни царицей Нофрурененут. Я была всего лишь Валерией Самсоновой, затерявшейся во времени, в своих снах и желаниях. Потому

что сейчас я восхищалась чужими мужьями – обоими сразу. И не могла решить, кто из них красивее.

Лодки уплывали друг от друга всё дальше, а мы с Джет-Хором и Хиан-Хором продолжали смотреть друг на друга. Вот уже гребцы опустили весла, а я всё не могла оторваться от восхитительного и соблазнительного зрелища.

- Не желаешь накинуть покрывало, царица? – спросила Яхотеп, возвращая меня с небес на землю.

Мне пришлось приложить волевое усилие, чтобы отвернуться. Я набросила на плечи тонкое шерстяное покрывало, и сразу стало стыдно и смешно, потому что я вспомнила, что красовалась перед Джет-Хором и Хиан-Хором в полупрозрачном платье. А ведь стеснялась даже служанок. Нет, Лерка, тебе точно выбили мозги бычьей ногой, если думаешь только о разврате. А ведь тебе надо думать о возвращении домой. Не собираешься же ты провести здесь всю жизнь, состариться, умереть, а потом быть похороненной в одной из каменных гробниц, чтобы потом лет эдак тысяч через пять неблагодарные потомки разорвали твою мумию, чтобы ограбить.

Лерка! Ты о чем?! Какие мумии?!

Я поймала себя на мысли, что даже думаю на древнеегипетском. Ещё немного – и забуду обо всем, что было, и поверю, что я – одна из дочерей царя Нармера. Только вот какая? Если Нехбетнофрет любила водные прогулки, значит, я могу стать женой Джет-Хора? По коже прошли сладкие токи, когда я представила, как царь с медным телом сожмет меня в объятиях, вопьется поцелуем в губы, а потом возьмет – сильно и яростно, требуя наследника для продолжения династии.

Но я – не царица Верхнего Египта. Что помешает сказать, что мне не нравятся лодки и прогулки на них, и притвориться царицей Нюфрурененут? Тогда меня обнимет Хиан-Хор. У него глаза черные и блестящие, как отполированный агат. И тело, наверное, твердое, как камень. Смуглое, сильное... Интересно, как он любит? Нравится ему быть сверху или, наоборот, предоставить инициативу женщине? Будет он лениво посматривать из-под ресниц, глядя, как я прыгаю на нем, задыхаясь от страсти, или развернет спиной, чтобы любить грубо, по-звериному...

«Осторожнее, Лерка! - осадила я саму себя мысленно. - Ещё немного, и ты попадешь в ловушку похуже, чем ловушка времени».

- Расскажи мне о царях, - сказала я служанке, и Яхотеп услужливо кивнула. – Может, я смогу вспомнить, кто из них – мой муж.

- Они оба – из самых древних и славных родов, - начала Яхотеп нараспев. – Их отцы были великими правителями и воевали против твоего отца, царица. Один был родом из земли тростника, другой – из края папирусов. Твой отец пощадил сыновей своих врагов и предложил заключить родственные союзы. Джет-Хор женился на царевне Нехбетнофрет и стал правителем страны тростника, а царевич Хиан-Хор взял в жены Нюфрурененут, и они воцарились в стране папирусов. Когда царь сливается с царицей в любовном экстазе, на земле царицы идет дождь. Вот уже три года в сезон посевов в нашей стране идет дождь и для тростника, и для папируса, а это означает, что богам угоден союз наших царей. Но что будет сейчас? Тебе надо поскорее вспомнить, кто ты, чтобы спасти хотя бы полстраны.

- Я не о том спрашивала тебя, - прервала я её стенания. – Какие они? Что любят, что ненавидят? Как относились к своим женам, помимо того, что сливались в любовном экстазе? У них есть ещё жёны? Есть дети?

- Разумеется, есть ещё жены, - ответила Яхотеп, недоуменно хмурясь, но я сделала вид, что не замечаю ее удивления. – Царям полагается много жен, чтобы было много наследников. Но в Инебу-Хедж Цари приехали только со своими великими царицами. Празднование Мина – это священный праздник для тех, у кого кровь богов. Наложницам тут не место. Тем более,

ни одна из цариц не понесла за три года брака, и на празднике Мина собирались просить о даровании наследника.

Нет, она всё равно говорила не о том, о чём мне хотелось бы услышать.

- Они любили своих великих цариц? – прямо спросила я служанку. – Или женились только ради власти?

По тому, что Яхотеп не спешила уверить меня в неземной любви царевичей к своим «красивым» и «совершенным», я поняла, что вряд ли мужья испытывали теплые чувства к женам. Скорее всего, они испытывали теплые чувства к землям, подаренным Нармером.

«Не будь душой, - сказала я себе. – В эти времена фараоны женились на знатных, а любили простолюдинок. А ты – ни та, ни другая. Поэтому тебе не светит ни уважения, ни любви».

Глава 4

Проснувшись утром следующего дня, я не сразу вспомнила, где нахожусь. Мне казалось, я видела яркий, чудесный, немного безумный сон. А теперь открою глаза, надену джинсы и кроссовки, и отправлюсь на работу – составлять каталоги непонятных обломков, сортировать бусины по цвету и размеру. Но вместо белого потолка в своей квартире я увидела нарисованные на стенах реку, лотосы и лодки.

Сразу вспомнилась вчерашняя прогулка, и мне стало жарко, будто я лежала не под колышущимся пологом, а на солнцепёке.

- Не желаешь ли проснуться, царица? – услышала я голос Яхотеп.

- Желаю, - я уже вошла во вкус своей новой роли. Это было интереснее, чем изображать мумию перед студентами. И то, что сон продолжался (а может, совсем и не сон), начинало мне нравиться.

- Комната Рассвета уже готова, - Яхотеп сделала знак Сатмут, и та набросила мне на плечи полотняное покрывало. – Милосердие солнца и неба на тебя, великая!

Меня проводили к бассейну, в который служанки как раз высыпали лепестки цветов. Пахло розами и чем-то сладким, необыкновенно приятным. Вода была приятно теплой, и я, сбросив покрывало, с удовольствием погрузилась в неё по шею.

Некоторое время я нежилась в воде, закрыв глаза и наслаждаясь ароматной водой – теплой, не горячей и не холодной, а потом раздался еле слышный всплеск, и меня коснулось что-то мягкое, скользнув по руке от плеча к локтю.

Я вздрогнула и открыла глаза. Рядом со мной в воде сидели две девицы – совершенно голые, с туго заплетенными волосами и ненакрашенными лицами. Одна из них держала чашу с розовой пастой, а вторая – губку-люфу, и старательно мыла ею мою руку.

- Зачем это? – спросила я, растерянно.

- Царица, служанки моют тебя, - раздался над моей головой голос Яхотеп. – Если они тебя потревожили – вели их наказать?

- Царица! – служанка с люфой испуганно отшатнулась от меня. – Каит была неловкой? Каит сделала тебе больно?

- Нет, больно не было... - я растерялась ещё больше. – Но я вполне могу помыться сама...

Вслед за этим стало так тихо, будто я не сказала пару слов, а совершила жестокое убийство котика у всех на глазах.

- Нет, царица, - помедлив, произнесла Яхотеп, - ты, наверное, забыла – тебе не полагается мыться самой. Если Каит тебя не потревожила, позволь ей сделать свою работу.

Конечно, цари не моются сами. Для этого у них целый штат слуг и рабов. Глупо, Лера, очень глупо.

- Забыла, - пробормотала я, закрывая глаза, чтобы не видеть удивленных и испуганных лиц. – Продолжай, Каит.

Мягкая люфа снова коснулась моей руки, нежно и легко массируя. Служанка знала свое дело, и ее прикосновения расслабили меня, погрузив в состояние полудремоты, хотя я только что проснулась после ночного отдыха.

После ванны меня проводили к ложу, застланному несколькими слоями полотна, и две темнокожие до черноты рабыни принялись массировать мои ступни, лодыжки, бедра, натирая меня розовым маслом.

Даже лучшие косметические салоны не могли бы похвастаться такими массажистками. Я опять задремала, блаженствуя в умелых руках. Мне приснилось, что это Джет-Хор и Хиан-Хор гладят меня с обеих сторон. Один из них продолжает массировать мои плечи, а второй разводит ягодицы, поливает между ними маслом и...

Когда в мой анус ткнулось что-то шершавое, пытаюсь происнуться внутрь, я мгновенно проснулась и перекатилась на бок, чуть не свалившись с ложа.

- Что случилось, царица? – бросилась ко мне перепуганная Яхотеп.

Рядом с ложем стояла темнокожая служанка – тоже испуганная, дрожащая, как листок на ветру. В руке она держала странный предмет – щеточку на тонкой рукояти, и эту щеточку она только что собиралась засунуть мне в зад! Они тут совсем с ума посходили!

- Тебе сделали больно? – Яхотеп забежала вокруг меня, чуть не заламывая руки. – Немедленно целебное масло! Немедленно!..

- Мне не больно, - с негодованием прервала я её вопли. – Но я не позволю, чтобы она лезла мне... туда...

Яхотеп остановилась и внимательно посмотрела на меня.

- Выйдите, - махнула она рукой на служанок, и те умчались, всхлипывая на ходу. – Ты тоже выйти, - приказала старая служанка Сатмут. – Проследи, чтобы никто не вошел. Царица хочет побыть одна.

Девушка кивнула и убежала следом за рабынями, я Яхотеп с трудом опустилась на колени возле ложа, так что наши лица оказались на одном уровне.

- Царица, - начала старая служанка ласково, - наверное, пребывание в царстве мертвых не проходит бесследно, и твоя память пострадала сильнее, чем мы думали...

- Так и есть, - поспешила согласиться я. – Многое я не помню...

- Я это поняла, - Яхотеп понизила голос. – Если ты чего-то не помнишь, и что-то кажется тебе странным, не выказывай удивления или недовольства сразу. Спроси меня – тихонько, чтобы не слышали молодые рабыни. Никто не должен усомниться в твоём рассудке. Царь – это воплощение бога на земле. Царица – воплощение богини. Наша страна благополучна, пока благополучны наши царицы. Была благополучна... - она вздохнула. – Но жива хотя бы одна царица, и в этом половина страны видит спасение. Представь, какой хаос произойдет, если выяснится, что царица, вернувшаяся к жизни, потеряла рассудок? Будет война! Мятеж! Плачь, стоны и кровь по всей нашей земле! Не давай повода усомниться в тебе. И будем надеяться, что память вернется...

- Хорошо, - прошептала я, потрясенная пылом, с которым она все это говорила.

Действительно, правитель в Египте – это наместник бога. Наместник должен быть божественно прекрасен, мудр, здоров. Во время нулевой династии каждый царь должен был раз в тринадцать лет доказать свою силу, пробежав при всех вокруг города. Если сил на пробежку не хватало – фараона смещали. Иногда и убивали.

Надеюсь, они не заставят меня бегать вокруг города? Я и стометровку не бегала со времен школы.

- Поэтому позволь рабыням вымыть тебя, великая, - продолжала Яхотеп. – Так было всегда, это правило. Твое тело должно поддерживаться в совершенной чистоте – в этом залог благоденствия страны.

- Пусть моют, - согласилась я. – Но не *там* же!..

- Почему? – она искренне удивилась. – Чистота твоего заднего прохода так же важна. У царицы должно быть чисто везде. Раньше тебе это нравилось...

- Нравилось кому? – уточнила я. – Нехбетнофрет или Нофрурененут?

- Им обоим. Поэтому позволь рабыням продолжить? Это совсем не больно, тебе надо просто расслабиться... Просто расслабиться...

Она хлопнула в ладоши, и рабыни, стоявшие за дверью, несмело вернулись.

Я легла на живот, но невольно вздрогнула, когда служанки снова начали меня массировать.

- Нежнее, - велела служанкам Яхотеп. – Сначала успокойте царицу, она плохо спала, поэтому слишком взволнована.

Рабыни принялись за меня с удвоенным усердием и с утроенной осторожностью. Хотя и не сразу, но я расслабилась в их руках. Я будто плыла на волнах душистой розовой воды, и мягкие, но упругие струи касались моей кожи – гладили, ласкали, омывали со всех сторон.

Эти волшебницы опять погрузили меня в полусон, и мне виделись два царя – обнаженные, играющие в настольные игры на палубе корабля. Щеточка проникла в мой анус, и это оказалось совсем не неприятно. Это было щекотно и забавно, и возбуждающе... Я едва не застонала от удовольствия, когда мягкие ворсинки защекотали чувствительные места моего тела, о которых я никогда не подозревала.

Щеточка скользила между моих ягодич, и мой сон становился всё эротичнее. В нём два царя оставили игру и смотрели на меня – горящими глазами, жадно, и мужские члены наливались силой, увеличиваясь в размере, поднимаясь...

Я не выдержала этого сладкого мучения, и приподняла бедра, позволяя щеточке проникнуть ещё глубже... Ах, ещё!..

Мне послышался сдавленный вздох – словно кто-то с присвистом втянул воздух через стиснутые зубы. Открыв глаза, я, как продолжение моего сна, увидела за полупрозрачным занавесом, отделявшим Рассветную комнату от коридора, Джет-Хора и Хиан-Хора. Они стояли плечом к плечу и смотрели на меня. И глаза у них горели мрачным, страстным огнем.

То, как эти красавцы меня разглядывали, и смущало, и волновало одновременно. Казалось, они едва сдерживаются, чтобы не броситься на меня, чтобы изнасиловать прямо здесь и прямо сейчас, и прямо во все отверстия.

Какие там голливудские актеры, испанские фотомодели и сумасшедшие профессора?! Все они меркли перед двумя царями из нулевой египетской династии...

Я попыталась мыслить головой, напомнив себе, что от этих царей уже давно ничего не осталось, и даже их имена были ошибочно записаны, как имя одного фараона... Я говорила себе, что всё это – сон, какое-то временное безумие, не совсем приличная Страна Чудес в которую попала повзрослевшая Алиса, но разум не слушался, сердце отказывалось верить, а тело предательски заскулило, требуя ласки, власти над собой...

Всё это было реально, и оно было сейчас и теперь, и я играла здесь главную роль...

Можно просто уступить... Сыграть по правилам диких первобытных людей...

Я смотрела то не Джет-Хора, то на Хиан-Хора, и не могла решить – кто же из них красивее. Одного можно было сравнить с черной египетской ночью, полной тайн и волшебных открытий, а второго – с ослепительным днём, когда открывается всё, что было скрыто, и обнажаются самые невозможные, самые бесстыдные желания... Если бы они оба подошли ко мне сейчас, положили руки на мое тело, и один продолжил бы то, что прodelывала анальная щеточка, а другой поднес к моим губам свой член...

В глазах потемнело, я приоткрыла рот, чтобы вздохнуть, потому что в груди стало невыносимо жарко. И между ног – тоже. Я стиснула колени, невольно насаживаясь на щеточку в руках служанки глубже, и это не укрылось от взглядов мужчин, подглядывавших за мной.

Джет-Хор подался вперед, облизнув нижнюю губу, а Хиан-Хор беззастенчиво потер себя пониже живота.

Набедренные повязки обоих уже приподнимались спереди. Как бы ни относились цари к своим женам, была там любовь или нет, а страсть точно была. И какая! Огненная, испепеляющая... А теперь жён не было, была только я... И я совсем не возражала бы заменить этих непутевых жен...

Эта мысль возмутили и испугали меня. Лерка! Ты – нормальная, цивилизованная женщина, а не животное! Ты – дипломированный специалист, в конце концов! Не превращайся в сучку при виде красивых кобелей.

- Прикройте меня, - приказала я и вильнула бедрами, освобождаясь от коварной щеточки, которая чуть не довела меня до экстаза.

Служанки тут же набросили на меня покрывало, скрыв от плеч до пяток.

На лицах царей отразилось такое разочарование, что я едва сдержала злорадную усмешку. Пришли тут, подглядывают!.. Соблазняют одним своим видом!..

Я отвернулась и сказала:

- Оставьте меня. Все. Хочу побыть одна.

Легкие шаги, шорох босых ступней по каменным плитам пола – и стало тихо. Я приподняла голову, оглядываясь – в купальне никого не было. Лишь ветерок шевелил занавеской, за которой только что стояли цари-красавцы.

Застонав, я уткнулась лицом в ладони.

Тело требовало удовлетворения, требовало любви, груди набухли, соски затвердели, но я постеснялась удовлетворять саму себя – вдруг кто-то подглядывает за мной? В этом месте ни в чем нельзя быть уверенной.

Поднявшись с массажного ложа, я ещё раз окунулась в воду. Я вся горела, и вода показала мне божественно прохладной. Она хоть немного приглушила огонь между ног и успокоила. Теперь можно было вернуть служанок...

После купания следовал завтрак – простые, но вкуснейшие блюда, разложенные на серебряных тарелках. Творог, подогретое козье молоко с медом, охлажденное кокосовое молоко, сладкие булочки, политые жирными сливками, булочки, пропитанные сахарным сиропом, ломтики дыни и арбуза, салат, заправленный ароматным оливковым маслом, вареные яйца, разрезанные пополам и политые соусом – всё, что хотелось бы съесть женщине на завтрак. Но были тут и мясные, более тяжелые и сытные блюда – гусиная ножка, отваренная с травами, ломтики утиной грудки, зажаренной до хрустящей корочки. Отдельно на каменном блюде подали фрукты – свежие финики, грозди винограда разных цветов и сортов, яблоки.

Я попробовала всего понемногу и пришла к выводу, что так изысканно меня не накормили бы и в лучшем столичном ресторане.

После завтрака полагалось полчаса отдыха, во время которого мне предложили полюбоваться на реку с затененного балкончика, пока рабыня играла на арфе что-то тихое и нежное. Рядом со мной опять находилась Яхотеп, которая в такт музыке то ли рассказывала, то ли напевала мне:

- Для того чтобы пролился благодатный дождь, чтобы была остановлена пустыня, надвигающаяся на нас каждый год, надо чтобы земля и небо вступили в союз. Женщина – небо, великая царица, а мужчина – земля. Когда пройдет праздник урожая, муж должен пробудить силу земли и оросить жену, и тогда прольется дождь, а это хорошо и для посевов, и для садов, и для людей, и для животных...

Только к концу её речи я поняла, что означал этот «союз земли и неба», и о каком празднике она говорила. Праздник начала жатвы, на который приехали две царицы с мужьями... Праздник, когда фараон срезает первый сноп и приносит его к подножью статуи Мина – бога плодородия и мужской силы, который изображается голым с возбужденным членом. На празднике в честь бога Мина мужчины занимаются культовой мастурбацией... Иными словами, будут дрочить на священный предмет... А этот предмет...

- После праздника Мина я должна буду принять семя моего мужа? – спросила я напрямик.

- Память возвращается к тебе, царица! – Яхотеп радостно всплеснула руками. – Именно так. Твой муж воззовет к силе Мина и оросит тебя своим фонтаном, и после этого прольется дождь, - она понизила голос и добавила, - знать бы ещё, какой части страны повезло – верхней или нижней...

- А если дождь не прольется? – неосторожно поинтересовалась я.

Рука арфистки дрогнула, и струны жалобно тренькнули, а Яхотеп побледнела так, что это стало заметно даже на её смуглой коже.

- Не говорит так, царица, - произнесла она с неподдельным ужасом. – Такого зла не должны допустить боги. Твой отец, божественный Нармер, всегда орошал своих цариц животворным дождем, и дождь шел. То же было и с тобой и с твоей сестрой, ничего не должно измениться, иначе... - служанка замолчала и забормотала какую-то молитву, хватаясь за амулеты, которые висели у неё на шее.

Я закрыла глаза, пытаюсь собраться с мыслями. Прольется дождь или нет – это распоряжение природы, а никак не следствие того, что кто-то из царей кончит на меня. Кончит... Я снова содрогнулась всем телом и свела колени, потому что между ног сладко запульсировало. Увидеть обряд Мина наяву – о таком можно лишь мечтать. И если во время обряда Джет-Хор и Хиан-Хор начнут надращивать свои члены...

Еле сдержав стон, я плотно сжала губы, призвав себя не превращаться в животное, но в мозгу уже закрутились порнографические картинки – одна круче другой.

- Не желаешь, когда спадёт жара, снова совершить прогулку по Великой Реке, царица? – услужливо спросила Яхотеп.

- Желаю! – почти выкрикнула я. – Желаю прямо сейчас.

- Повинуюсь, царица, - служанка казалась немного ошарашенной, но тут же отправила рабыню распорядиться, чтобы приготовили лодку.

А мне сейчас больше всего хотелось оказаться подальше от этого дворца, где тяжело и сладко пахло восточными благовониями, и где под одной крышей со мной находились двое самых притягательных и сексуальных мужчин на свете.

Скорее уплыть! Смотреть на спокойные волны, наслаждаться водяной прохладой и... успокоиться хоть немного.

Глава 5

Джет-Хор и Хиан-Хор сидели на террасе царского дворца, переживая самые знойные, самые палящие часы. Совершенно голые, развалившись на подушках, они играли в настольную игру «мехен», передвигая по каменному полю, вырезанному в виде свернувшейся клубком змеи, каменные разноцветные фигурки – льва, человечка, собаки... Джет-Хор играл светлыми фигурками, выточенными из слоновой кости и отполированными до блеска, а у Хиан-Хора фигурки были черными, из обсидиана.

Цари по очереди бросали граненные каменные палочки с черно-белыми насечками. В зависимости от того, какими гранями падали палочки, высчитывалось количество очков и количество шагов, полагавшихся для той или иной фигурки.

Неподалеку сидела арфистка, меланхолично перебирая струны. По краю террасы, прячась под зонтики из пальмовых листьев, полулежали юные красивые рабыни. Конечно же, голые, украшенные только бусами и браслетами. Девушки поглядывали на царей ласково, принимая томные, чувственные позы, и терпеливо ждали, когда повелителям наскучит игра, и они перейдут к любовным развлечениям.

Но царей сегодня не слишком тянуло на любовь, и на рабынь они совсем не смотрели. Зато уставились в окно, когда прозвучал далекий гонг, сообщавший, что великая царица отправилась на речную прогулку.

- Вон она, опять плывет, - сказал с неудовольствием Джет. – Куда её потащило в самую жару?

Оба царя позабыли про игру, наблюдая за лёгкой остроносой лодкой под полосатым парусом. Лодка проплывала мимо террасы, и была хорошо видна палуба, на которой уже поставили пёстрый льняной шатёр.

- Ещё и закуталась по уши, - проворчал Хиан, не отрывая взгляда от лодки. – Строит из себя скромницу...

- Притворяется, что ничего не помнит, - Джет тоже следил за лодкой. – Решила поиграть, стервятница.

С такого расстояния не было видно лиц, но фигурка правительницы в длинном белом одеянии, с копной черных кудрявых волос, просматривалась отлично. Царица стояла, оперевшись на борт, склонив голову – будто задумчиво смотрелась в речные волны.

Джет усмехнулся. Её жена всегда любила кататься на лодке. Он невольно облизнул губу, вспомнив, как сучка продемонстрировала им с Хианом свои прелести, когда их лодки встретились. Знает, что её тело хотят все, и пользуется этим. Он скосил глаза на Хиан-Хора и усмехнулся, потому что член у его соперника уже стоял. Впрочем, и сам он был возбужден, стоило только увидеть, как *его* жена откинула волосы с груди на спину и потянулась, заложив за голову руки.

- Всадил бы ей по самые яйца, - хмуро озвучил его желания Хиан.

- Спокойнее, - посоветовал Джет-Хор, мысленно с ним соглашаясь, - это *моя* жена. И все её дырки только для моего члена.

- Где же на ней написано, что это – твоя жена? – язвительно спросил Хиан. – Я вижу *свою* жену, и намерен трахнуть её в ближайшее время. Не стану даже ждать праздника.

- Тронешь её, - ласково пообещал Джет, не сводя глаз с женской фигуры в белом, - и я тебя кастрирую. Выхолощу, как жертвенного борова.

- Рискнешь? – зло отозвался Хиан.

Цари отвернулись от реки и гневно посмотрели друг на друга.

Несколько секунд – и лодка царицы уже исчезла в голубоватой дымке. Цари запоздало приподнялись, чтобы проводить её взглядами, а потом одновременно махнули рабыням.

Юные создания радостно спорхнули со своих мест и подлетели к мужчинам, опускаясь рядом на колени, подставляя груди, заглядывая в лица, выпрашивая ласки. Джет сразу толкнул к паху одну из рабынь – просто выбрал наугад, первую попавшуюся. Она присосалась к его члену, как рыбка, и он блаженно закрыл глаза, всеми силами стараясь изгнать из мыслей образ жены. Это было странно – раньше Нехбетнофрет не возбуждала его так остро. Разве что в первый месяц после свадьбы, пока он ещё не разобрался, какой крокодил достался ему вместе с нижними землями. Вернее, не крокодил – стервятница. Хищница, питающаяся падалью. Жадная до наслаждений, до развлечений, обожавшая вино и зрелища, когда рабы и рабыни сношали друг друга во всех позах.

Нежные руки рабынь скользили по его торсу, ласкали плечи, поглаживали живот, а горячий рот сновал по члену, пропуская его всё глубже, в самое горло, где было восхитительно узко и горячо.

Джет бросил взгляд на Хиана, который предпочел улечься на спину и усадить на себя гибкую, смуглую до черноты рабыню. Развернув её к себе спиной, Хиан лениво смотрел в небо, пока рабыня скакала на его члене, уже взмокшая, как скаковая лошадь после забега.

Глядеть, как черный лоснящийся зад мелькает над членом соперника, было неинтересно, и Джет снова закрыл глаза, полностью отдавшись ощущениям. Рабыня начала сбавлять темп и пару раз задохнулась, и Джет без особых нежностей оттолкнул её.

Его поняли без слов, и на место незадачливой рабыньки заступила её подруга, принявшись за дело с удвоенным усердием.

Возбуждение накатывало волной, но что-то мешало. Что-то не давало закончить, взлететь на вершину удовольствия, залив семенем жадный женский рот.

- Пошла вон, - услышал Джет голос Хиана.

Видимо, его сопернику тоже не слишком понравилась чернозадая всадница.

- Позволь мне, господин, - раздался мяукающий голос другой наложницы.

Хиан позволил, и вскоре террасу огласили сдержанные стоны, которыми рабыня пыталась распалить господина, насаживаясь на его член.

- Скажи своей дырке, чтобы заткнулась, - потребовал Джет. – Её вопли мешают.

- Сам заткнись, - огрызнулся Хиан, но следом послышался звонкий шлепок, рабыня взвизгнула и замолчала, продолжив трудиться без стонов.

А Джет понял, почему его так раздражал голос наложницы. Потому что она стонала совсем не так, как его жена, когда рабыни умащали её тело после купания. Впрочем, в этот раз жена стонала по-другому, не как раньше... Раньше её стоны действовали на него – вот как фальшивые стоны этой рабыни. От них хотелось досадливо поморщиться, но сегодня он слышал настоящее вождение....

Служанка чистила ей анус, и Нехбетнофрет извивалась змеей. Интересно, как бы она извивалась, если бы он прочистил ей задницу своим членом...

От одной мысли об этом чресла налились тяжелой силой, Джет схватил рабыню за затылок, вжимая в себя, мощно подвинул бёдрами пару раз и кончил, гортанно вскрикнув.

- Скорострел, - хмыкнул Хиан, подгоняя увесистыми шлепками рабыню, которая скакала на нём уже из последних сил.

Джет тоже хмыкнул и бросил небрежно, пока две рабыни вылизывали его член начисто, чтобы не оставить ни капли семени:

- Да это у тебя никак не получается кончить. Наверное, перетрудился. Или ослаб.

На лбу Хиана вспухла жила, лицо исказилось яростью и злостью, и он, крепко прихватив рабыню за бедра, кончил в три тычка.

- Я – бог Себек в любви, - заявил он, отталкивая женщину, ставшую уже ненужной, после получения удовольствия, - и делая знак рабыням, чтобы облизали его так же, как и Джета.

- Очень громкие слова, - Джет прикрыл глаза, пытаясь расслабиться не только телом, но и мыслями, но в голове намертво зависла картина – его жена нежится на ложе, а потом поднимает голову, видит его, и глаза её сияют, как два солнца.

Можно даже поверить, что она захотела его...

Прочем, эта шлюшка хотела многих, так что ничего удивительного, что именно в этот раз собственный муж показался ей достаточно привлекательным. Или... она смотрела на Хиана?

В душе шевельнулось какое-то странное и противное чувство... Будто зашевелилась змея, свернувшаяся клубком. А вдруг Нофрет и правда смотрела на Хиана? А вдруг она – совсем не Нофрет, а Нофру?.. Тогда – прощай земли и царская власть?..

- К вам жрец Ка, великие, - прозвучал размеренный голос слуги, и Джет сразу оттолкнул рабынь, сновавших над его членом.

Хиан сделал то же самое, потому что появление жреца Ка означало нечто важное. Старик уже давно не выходил из храма, даже для участия в праздничных ритуалах. Но это именно он проводил обряд отвержения уст и очей, когда пытались воскресить убивших друг друга сестер. И его силы хватило, чтобы вернуть хотя бы одну. Зачем он пришел сейчас?..

- Благоденствия вам, великие, - дребезжащим голосом произнес жрец, шаркая босыми ступнями по каменному полу.

- Пошли вон! – шикнул Джет на рабынь, и те бросились прочь, позванивая бусами.

На террасе остались только цари и жрец, пара телохранителей у стены в счет не шла. Для всех телохранители были обыкновенными собаками. Кто обращает внимание на собак?

- Желаете воды или фруктов? – радушно предложил жрецу Хиан. – Я сейчас же распожусь, - он хотел хлопнуть в ладоши, но жрец остановил его, приподняв старческую руку с выпуклыми венами.

- Я пришел не для того, чтобы есть и пить, великие, - сказал он. – Я пришел поговорить о великой царице.

Джет и Хиан замерли, как на охоте, а жрец продолжал:

- К огромной печали, вернуть к жизни получилось только одну из цариц, и она после блуждания по царству мертвых потеряла память. Приближается время половодья, и нам необходимо как можно скорее узнать, какая из цариц осталась в живых. Великий Нармер принес благоденствие в нашу страну, одарив ее дождем, и люди разленились. Сейчас же равновесие нарушено, и той стране, чья царица погибла, придется строить дамбы, чтобы засуха не погубила всё. Вам надо поторопиться, великие.

- Поторопиться в чем? – мрачно спросил Хиан. – Она не узнает нас.

- Или притворяется, - процедил сквозь зубы Джет.

- Кто может узнать жену, как не её муж? – философски протянул жрец. – Время идёт, великие. До праздника Мина совсем мало времени. Вам надо сблизиться с царицей, проводить с ней больше времени, развлекать и беседовать. Тогда она быстрее вспомнит свою прежнюю жизнь.

- Сблизиться? – переспросил Хиан и хмыкнул.

- Только любовь и терпение помогут вам вернуть душу царицы в наш мир окончательно, - говорил жрец убежденно. – Мужа и жену связывают узы любви. Пора бы вам вспомнить о них. Узнайте сами, чья жена осталась жива, и поскорее обрадуйте народ хотя бы одной из наших земель. В этом – спасение страны, великие. Спасение страны – ваша святая обязанность.

- Легко сказать, - пробормотал Хиан.

Жрец не расслышал или сделал вид, что не расслышал, но Джет был озадачен не меньше своего соперника. Джет тоже не питал особых надежд на сближение с женой. Наивный жрец жил нравами и событиями прошлых лет, и понятия не имел, какие узы на самом деле связывали теперешних супругов. Какая любовь, старик? Да представляешь ли ты, какой стервятницей была царственная Нехбетнофрет? И чем она развлекалась?

Хотя... а почему бы и нет? Возможно, здесь выиграет тот, кто первым пойдет в атаку. Если несносная бабища и правда забыла обо всем, то надо внушить ей, что она – царица Нехбетнофрет. Пока Хиан не добился обратного.

- Мы тебя слышали, жрец Ка, - сказал Джет. – И постараемся всё выяснить как можно скорее.

- Как ты собрался это сделать? – желчно поинтересовался Хиан.

- Конечно же, напомнив великой Нехбетнофрет об узах любви, - сказал Джет с преувеличенной заботой, чем вызвал тихое бешенство Хиана и радость жреца.

- В ваших руках – судьба нашей страны, нашего народа, - благословил их старик. – Не медлите, и пусть вам сопутствует удача.

Когда жрец ушел, Джет не упустил возможности уколоть своего соперника:

- Можешь взять судьбу в свои руки, Хиан. А я... возьму её кое-чем другим.

- Только не выстрели раньше времени, - не остался тот в долгу.

Дорогие читатели! Не забывайте побаловать автора лайками, комментариями и наградами. А если не хотите пропустить новые интересные и горячие истории – подписывайтесь на мою страницу. Ваша Дарина!

Глава 6

Мой сон в Древнем Египте продолжался и не думал заканчиваться. Утром я просыпалась, отправлялась в купальню, нежилась под руками умелых массажисток, с удовольствием вдыхала запах розового масла и уже не думала протестовать, когда рабыни мыли и чистили меня везде и всюду.

Я начала входить во вкус этой беззаботной, расслабленной и неторопливой жизни. Не надо вставать рано утром и мчаться по зимнему городу в университет, не надо составлять планы и методички, стуча по клавиатуре ноута по двенадцать часов в день. В конце концов, не надо питаться фастфудом и супами из пакетиков, потому что на приготовление еды никак не хватает времени.

Здесь же к моим услугам были самые изысканные продукты (натуральные, заметьте!), меня развлекали, когда я скучала, и оставляли одну, когда я хотела отдохнуть.

Каждый день я каталась на лодке по Нилу, любуясь окрестностями, а вечерами посещала храмы, расспрашивая жрецов и узнавая то, что не могло даже присниться профессору Чкареули и Кулакову вместе взятым.

Цари попадались мне на глаза крайне редко – будто сговорились не беспокоить меня. Иногда они наблюдали за мной издали – когда я отправлялась на речную прогулку, когда гуляла по саду, но больше не подходили и не заговаривали. И я была очень благодарна им за это, потому что каждое их появление действовало на меня, как удар молнии. Стыдно признать, но я видела прекрасных царей каждую ночь. И что это были за сны – стеснялась потом даже вспоминать.

Теперь я уже не так торопилась обратно и когда просыпалась и видела разрисованные лотосами стены, втайне радовалась, что сон продолжается – а вместе с ним продолжается и эта удивительная жизнь.

Однажды утром я уже привычно отправилась в комнату Рассвета, где был приготовлен бассейн для омовения, и, тоже как обычно, пожелала остаться одна, чтобы понежиться полчаса в воде, без присмотра въедливой Яхотеп и многочисленных служанок и рабынь.

Ужасающая жара ещё не накрыла эту благодатную страну, и я наслаждалась прохладной водой, легким ветерком от реки и далеким плеском волн. Но вот волны всплеснули сильнее, а следом за этим я ощутила движение воды в бассейне.

Открыв глаза, я чуть не вскрикнула, потому что от другого края бассейна на меня в упор смотрел царь Джет-Хор. Он опустился в воду до середины груди, поставив локти на мраморную облицовку. Прозрачная вода плохо скрывала очертания его сильного мускулистого тела, и я прекрасно видела, что царь забрался ко мне совершенно голым.

Мы смотрели друг на друга и молчали. Четко очерченные губы Джета кривились в улыбке, а взгляд был пристальным и колючим.

Капельки воды застыли на мощной груди, смуглая кожа блестела, как полированная, но под ней перекачивались мышцы. Силы в этом мужчине было – на троих. Это тебе не студентки, которые занимаются тридцать минут в день на беговой дорожке. Передо мной был настоящий мужчина. Красивый, сильный, опасный, как дикое животное.

Я запаниковала и машинально облизнула губы, прикидывая, не надо ли броситься в бегство прямо сейчас.

- Доброе утро, - сказал вдруг Джет. – Ты как будто не рада меня видеть.

- Зачем вы здесь? – пробормотала я, вжимаясь в стенку бассейна и подтягивая ноги к животу, чтобы не светить бритой промежностью. Ещё я предусмотрительно опустилась в воду по плечи, хоть так скрывая голую грудь.

Мой вопрос его, казалось, позабавил. Темные прямые брови насмешливо изогнулись и приподнялись, а в янтарных глазах блеснули насмешливые искорки.

- Почему бы мне не быть здесь? – ответил он вопросом на вопрос. – Я – твой муж, ты – моя жена, а значит, мы должны быть всегда вместе. Но к чему слова? Ты не хочешь поцеловать своего любимого мужа, Нофрет?

Хочу ли я его поцеловать? Мне стало и жарко, и холодно одновременно. Любимый муж... Нофрет...

Всё так заманчиво, и так похоже на правду, но дело в том, что я – не Нофрет. И мужчина, который залез голым в один бассейн со мной – это совсем чужой мужчина.

- Сейчас я хочу искупаться, - ответила я мягко, чтобы не обидеть царя. – И хочу сделать это одна.

- Намекаешь, что не желаешь меня видеть? – он оттолкнулся от края и поплыл ко мне.

С перепугу я отпустила бортики бассейна и ушла под воду с головой.

Захлебнуться мне не позволили, потому что Джет оказался рядом и вытащил меня из воды, притиснув спиной к краю бассейна.

Теперь между нашими обнажёнными телами не было преграды даже в виде воды.

Я всей кожей ощутила близость мужчины, его стальные мускулы, твердую и одновременно нежную плоть, которая атаковала меня, пытаюсь проникнуть между моих сведенных ног.

- Желаю побыть одна, - сказала я как можно тверже, сопротивляясь натиску чужого мужа.

А он напирал всё сильнее, потемнев взглядом, тычась членом и пытаюсь своим коленом развести мои тесно сжатые колени.

- Не строй из себя недотрогу, Нофрет, - зашептал он мне на ухо, легонько покусывая мочку. – Мы же знаем, что тебе это нравится... Или хочешь, чтобы я сделал, как в прошлый раз?..

Прошлый раз? Я тут же вообразила десяток способов, как он удовлетворял свою царственную жену, и тут было от чего сойти с ума. Но когда Джет поймал меня за подбородок и впился мне в губы жадным поцелуем, я поняла, что действительность может превосходить любые мечтания.

Чужой муж целовал меня с такой страстью, с таким пылом, что я вполне можно было загореться, не сиди я в воде по самые плечи. Язык его начал такую головокружительную атаку, что я невольно приоткрыла губы. Теперь поцелуй стал глубже и ещё жарче. Дыхание Джет-Хора было сладким, будто он только что сосал фруктовые леденцы. Язык его ворвался в мой рот настойчиво, призывно, завоёвывая и подчиняя.

Из последних сил я попыталась устоять перед этим любовным натиском и упёрлась мужскую грудь, едва не застонав, когда под моими ладонями так и заиграли мускулы.

- Зачем отказываешься? – услышала я шепот Джета и поняла, что он уже оторвался от меня и сейчас целует мою шею, ласкает языком мочку уха, горячо нашептывая: - Ты ведь хочешь меня... И я – твой муж, я настаиваю...

- Пожалуйста, нет... - зашептала я, но уже закрыла глаза, подставляя шею для поцелуев – таких же обжигающих, как солнечный свет. – Я – не Нофрет... это ошибка...

- Какая ошибка? – он удвоил атаку поцелуями. – Никакой ошибки. Ты – моя, а я – только твой...

Конечно же, он врал. Даже Яхотеп говорила про наложниц и младших жен. Но так хотелось поверить, так хотелось уступить... но уступать нельзя...

- Я не хочу... - начала я, пытаюсь одолеть сладостное головокружение, но тут Джет-Хор схватил меня за талию и одним махом усадил на край бассейна.

- Я знаю, чего ты хочешь, - заявил он, глядя на меня в упор снизу вверх. – И я дам тебе это. Раздвинь колени.

- Что?! – я перепугалась, когда он положил ладони на мои колени и попытался развести мои ноги. – Нет! Я не хочу!..

Но он был гораздо сильнее меня, и преодолел моё сопротивление за секунду. Я взвизгнула, когда моя гладко выбритая промежность оказалась выставленной на показ, а в следующее мгновение ахнула и откинулась назад, опираясь на локти, потому что Джет-Хор рывком притянул меня к себе и впился поцелуем уже в мои нижние губы.

Раньше подобная ласка всегда смущала меня, это было что-то не очень привлекательное – так раскрыться перед мужчиной. Но не перед *этим* мужчиной. Он целовал меня так, словно я была экзотическим фруктом, и он съедал меня, пожирал, выписывая своим языком на моей плоти самые причудливые узоры.

Я позабыла о скромности, о том, что оказалась в ловушке времени, я позабыла обо всем кроме этого жадного и умелого языка, кроме рук, которые ласкали мои бедра, потом принялись гладить живот, потом поднялись выше, добираясь до груди. Острое, ни с чем не сравнимое чувство – наслаждение, страсть, телесное опьянение... Всё это захватило меня волной, поработило, подчинило... И я уже сама подавалась навстречу горячему мужскому рту, и сама запустила пальцы в жесткие волосы, перебирая пряди, притягивая Джета к себе.

Только бы не останавливался!.. Только бы продолжал!... Только бы ещё...

- Хочешь ещё? – услышала я хриплый от страсти голос Джет-Хора, и поняла, что не замечая этого повторяю «ещё», «ещё».

Глаза словно застилал туман, и мне потребовалось время, чтобы зрение стало ясным. Я лежала на краю бассейна, оперевшись на локти и забросив ноги на плечи Джету. И приподнимала бедра, очень недвусмысленно требуя продолжения.

- Такая вкусная, - сказал он, глядя на меня в упор, - просто не оторваться.

- Не надо... очень прошу... - еле выговорила я и попыталась сдвинуть колени.

- Противишься мне? – рыкнул Джет-Хор, сверкнув глазами. – Что ж, посмотрим, сможешь ли ты противиться дальше.

Он одним движением раздвинул мои колени, и сладкая пытка продолжилась, а язык, сначала лизавший меня, вдруг протолкнулся вовнутрь, даря новые ощущения, заставляя стонать и выгибаться ему навстречу. Никогда раньше я не испытывала такого желания – дикого, захватывающего, первобытного. Это было что-то сродни сумасшествию, какое-то египетское волшебство, превратившее меня из цивилизованного человека в женщину, только и мечтавшую, чтобы её взяли тут же – крепко и сильно.

- Стонешь? – как сквозь сон услышала я голос Джета. – теперь дай постонать и мне, Нофрет...

Постонать? О чем это он? Я с трудом вырвалась из сладостного эротического плена и увидела, как мужчина рывком поднялся из бассейна, встав надо мной на колени. Вода стекала по смуглому гладкому телу, на котором не было ничего кроме нитки крупных бус из ляпис-лазури, едва скрывавших ключицы. Зато член уже стоял на десять часов, упруго подрагивая, открывая крупную головку.

Я уставилась на него, не в силах оторвать взгляд.

Этот член казался произведением искусства – идеальной формы, с набухшими венами. В ложбинке раздвоенной головки дрожала прозрачная капля, и мне страшно захотелось слизнуть её, попробовать этого мужчину на вкус – как до этого я попробовала на вкус его поцелуи.

- Ну же, жена, - произнес Джет-Хор вкрадчиво. – Прикоснись ко мне. Представь, что праздник сбора урожая уже начался.

- Вы не понимаете... - сделала я последнюю попытку остановить это безумие. – Я – не Нофрет...

- Не лги, я узнаю свою жену, - Джет на коленях подполз повыше, и теперь его член во всей красе покачивался прямо над моим лицом.

Мошонка уже подобралась, и так хотелось коснуться её хоть пальцем, чтобы проверить, какая она – бархатистая на ощупь или гладкая, как атлас.

- Открой рот, Нофрет, - мужчина уперся ладонями в пол и подвинул бедра, касаясь налитой кровью головкой моих щек, губ, - у меня сейчас яйца разорвутся, как я тебя хочу.

Головка мягко надавила на мои губы, и я открыла рот, позволяя ей проскользнуть внутрь. Он и здесь был сладкий, точно смазанный мёдом! И застонал, когда я скользнула языком по его напряженной плоти.

Я только увидела, как он запрокинул голову, замычав от наслаждения, и тут на меня обрушился самый сильный и потрясающий оргазм, который я испытывала за всю свою жизнь. Это было невероятно, но я кончила даже без проникновения, даже не прикоснувшись к самому чувствительному женскому месту.

Меня снесло в одно мгновение и наверняка. Тело будто пронзило молнией – от промежности до макушки и пяток одновременно, а в голове словно взорвался фейерверк – со вспышками, искрами и огненными потоками пламени по ночному небу. Кажется, отключилась на пару секунд, потому что когда пришла в себя, чувствуя сладкую сонную усталость, Джет-Хор уже не нависал надо мной, а лежал на мне сверху, бешено целуя в шею.

- Хочу тебя... - прохрипел он мне на ухо, тычась членом мне в живот, а потом и ниже. – Нофрет, я тебя безумно хочу!..

Но я уже вернулась в реальность, и когда горячая упругая плоть коснулась моего лона, окончательно пришла в себя.

Вывернувшись из-под Джет-Хора, я бросилась удирать на четвереньках. Он попытался остановить меня, ухватив за щиколотку, но служанки не зря щедро намазали меня душистым маслом – пальцы мужчины скользнули по коже, и я оказалась на свободе.

Вскочив на ноги, я бросилась вон из комнаты Рассвета, позабыв даже, что могу просто позвать на помощь, и сразу ворвётся толпа служанок.

Но сейчас я не думала об этом – я просто убегала прочь от соблазна, от той страсти, которая заставляет терять голову. Я убегала от мужчины, который подарил мне сказочное наслаждение, потому что это испугало меня. Потому что даря мне наслаждение, он получал власть надо мной. А я не хотела находиться ни в чьей власти, потому что не принадлежала этому миру, и не была царицей, которую все ждали.

И хотя было бредом считать, что дождь идет только когда царь и царица сливаются в экстазе любви, рисковать я не желала. Тем более, что на небе уже несколько дней не было ни тучки.

Всё это заставляло меня бежать быстрее и быстрее – по каменному коридору, вниз по лестнице, совершенно голой...

Какой-то мужчина возник передо мной так неожиданно, что я не успела остановиться. Моё обнаженное тело впечаталось в его тело, прикрытое только набедренной повязкой. Я бы отлетела назад и упала, но мужчина успел обхватить меня за талию, удержав на ногах, возле себя, и только сейчас я разглядела его лицо.

Этот человек был темнокожим, как нубиец, но черты лица были более тонкими. Выбритый наголо, с подведенными сажей глазами, он смотрел на меня выжидающе – такой же высокий, такой же мускулистый, как цари Джет-Хор и Хиан-Хор.

Такой же, но... не такой.

Этот человек испугал меня. И страх был совсем другим, не таким, что я испытывала рядом с царями. Когда я смотрела на Джет-Хора и Хиан-Хора, я ощущала огонь, жар, и боялась ответного огня, который разгорался во мне. А этот человек был холодным, как статуя. Если в нем и был огонь, он был запрятан где-то очень глубоко. И только в глазах можно было угадать его отблески.

Красивый и опасный мужчина. Очень опасный.

- Отпустите меня, - с трудом произнесла я.

Глава 7

- Как прикажешь, царица, - ответил он низким густым голосом и тут же отпустил меня. Я шагнула к стене, прислоняясь к ней и пытаюсь прикрыть груди и низ живота.

- Позову твоих служанок, царица, - сказал темнокожий мужчина и хлопнул в ладоши, не сводя с меня пристального взгляда.

Я напонила себе, что в Египте нагота не считалась чем-то позорным, но мне всё равно было неприятно, что меня так разглядывают.

- Уйдите, - почти с ненавистью велела я темнокожему, хотя он ни в чем не был виноват.

- Как прикажешь, царица, - повторил он и, развернувшись, ушел.

Навстречу уже мчались служанки, и Яхотеп шагала позади всех, не успевая за быстроногими рабынями.

- Что случилось, царица?! – воскликнула она, в то время как служанки набрасывали на меня мягкую ткань, чтобы вытереть. – Почему ты здесь? Почему не позвала нас?

- Всё хорошо, - ответила я с усилием, глядя в спину удаляющемуся мужчине.

Он ни разу не оглянулся и шел очень прямо, гордо подняв голову.

- Кто это был? – спросила я у Яхотепа, указав на удалявшегося мужчину.

- Ты не помнишь, великая? – горько вздохнула она. – Это – Менес, жрец Себека. Доверенное лицо царицы Нофру. Он посвятил её в таинства Себека и приходил каждое утро, чтобы благословить царицу...

- Не хочу никаких благословений, - ответила я, заворачиваясь в ткань до пяток до самого подбородка. – Особенно – его благословений.

Жрец бога Себека... Бога с головой крокодила...

Себек – бог крови, холодных убийств и... неудержимой похоти. Таинства Себека – это, наверняка, развратный разврат.

Ага, а чем ты занималась сейчас, Лерочка? Возле бассейна?

Воспоминания о том, что я устроила с почти незнакомым мужчиной, спокойствия и позитива мне не добавили. Вот позорище-то... Так не должно быть. Не должно. И я не должна была так поступать...

- Значит, ты – не совершенная Нофруренеут? – осторожно спросила Яхотеп.

- Не помню, - быстро ответила я. – Но знаю, что сейчас я хочу поскорее одеться, и ещё хочу пить.

- Омовение не закончено... - начала Яхотеп.

Но я решительно мотнула головой:

- Закончено! Отведите меня в мою комнату. Не хочу никого видеть!

Больше всего хотелось запереться в своей комнате и всплакнуть в подушку. Потому что на самом деле... мне ведь понравилось. Самое страшное, что мне понравилось. И я бы многое отдала, чтобы пережить то же самое, а может, и побольше...

Но дело-то в том, что всего этого не существовало. Древний Египет умер давным-давно. И давно в прах превратились Джет-Хор и Хиан-Хор. Давно умерли и превратились в прах...

И меня совершенно не устраивало, что все эти тени и умертвия казались мне сейчас реальными. Слишком реальными...

Запереться надолго Яхотеп мне не позволила, тактично, но неумолимо намекнув, что мое затворничество будет неправильно понято. Поэтому пришлось выйти в сад – на прогулку в тени деревьев, чтобы соблюсти какие-то там приличия.

Рабыни обмахивали меня огромными веерами, которые ничуть не спасали от жары и неподвижного воздуха, а я мрачно смотрела под ноги, ступая по ровным дорожкам, посыпанным мелким белым песком.

Совсем потеряла голову... Чуть не потеряла голову...

Только когда спустились сумерки, я немного успокоилась, но так и не решила, как мне следует относиться к тому, что умершие в незапамятные времена цари соблазняют меня в бассейне. То есть – один царь соблазняет.. Потому что Хиан-Хор...

- Добрый вечер, царица, - услышала я бархатистый голос позади, и несмотря на жару, по спине пробежал холодок.

- Приветствую, великий Хиан-Хор, - поклонились второму царю мои служанки и Яхотеп.

И мне ничего не оставалось, как обернуться и встать лицом к лицу со вторым вдовцом, который был уверен, что вдовцом не является.

Я промолчала, потому что не была уверена, что смогу ответить с достаточной твердостью – голос мог подвести. Ведь рядом с этим мужчиной меня подводили и собственное сердце, и тело. Странно, что совсем недавно я была так распалена ласками и поцелуями Джет-Хора, а теперь таяла, только глядя на его соперника.

Но кто же виноват, что эти цари – такие красавцы? Уж точно – не я, попавшая в этот мир по нелепой случайности.

- Мне сказали, сегодня ты грустишь, царица, - продолжал Хиан-Хор, и мне оставалось только блаженно закрыть глаза, наслаждаясь звуком его голоса. – Может, я сумею тебя развлечь? Я пригласил танцоров и музыкантов, и они сыграют представление в твою честь. Если ты согласна, я буду рад тебя сопровождать.

Театр Древнего Египта! Да это просто огромная удача – увидеть представление! И можно будет успокоиться, наслаждаясь музыкой и танцами, и... наслаждаясь обществом Хиана-Хора.

- Хорошо, я согласна, - ответила я, заметив, как Яхотеп чуть нахмурилась.

Но служанка тут же мотнула головой, и лицо ее приняло прежнее выражение – спокойного достоинства, как и положено приближенной царицы.

- Благодарю, что согласилась, - сделал Хиан-Хор полупоклон в мою сторону. – Дай мне руку, я провожу тебя.

- Обойдемся без рук, - пробормотала я, потому что понимала, что потеряю и волю, и способность соображать, едва только этот мужчина прикоснется ко мне.

А если прикоснется так, как Джет-Хор...

Голова закружилась от одной мысли об этом. Нет, скорее – театр. Посмотреть, расслабиться, отвлечься...

- Как скажешь, великая, - легко согласился Хиан-Хор и жестом пригласил меня идти за ним.

Следом за царем я и мои служанки прошли во дворец, свернули вправо, где располагались мужские покои, прошли полутемным прохладным коридором и через небольшую дверь вышли на балкон.

Я не сразу заметила, что на балконе оказались только я и Хиан-Хор, а заметив, заволновалась и хотела вернуться, но царь удержал меня, поймав за запястье и мягко сжав мою руку.

- Чего ты испугалась? – спросил он, заглядывая мне в лицо. – Твои служанки ждут снаружи, здесь им не место. Здесь место только для царской четы. Для тебя и для меня.

Я предпочла не заметить, с каким выражением всё это было сказано, и высвободила руку из крепких пальцев, поворачиваясь к каменным перилам. Если ему вздумается снова взять меня за руку...

Под балконом было темно, но вдруг блеснул свет факелов, и я увидела сцену, закрытую занавесом из сверкающих бусин. Отблески огня заплескали на них, а потом занавес пополз в разные стороны, и бусины зазвенели, ударяясь друг о друга.

Одновременно серебристо зазвенели бубенцы, и невидимые музыканты ударили в барабаны, глухо выбивая неторопливый ритм.

- Это представление я приказал устроить именно для тебя, - шепнул Хиан-Хор, обдавая мою щеку горячим дыханием. – Для тебя жрицы Хатхор и жрецы Собека разыграют сегодня свадьбу змей.

Свадьба змей? Я никогда не слышала о таком. И тем интереснее было посмотреть.

Сцена открылась полностью, и я увидела, что она представляет собой идеальную окружность из светлого отполированного до зеркальной гладкости камня. Свет факелов и покачивающиеся бусины занавеса бросали на каменную поверхность оранжевые и золотистые пятна, создавая словно огненную метель.

К барабанам присоединились арфы, и чарующая мелодичная музыка наполнила зал от пола до потолка.

Две шеренги танцоров в полупрозрачных легких, как туман, одеждах, вышли на сцену и пошли хитро сплетенным узором, держась за руки, но не сталкиваясь, не пересекаясь. Одни танцоры были в белых одеждах, другие – в темных, и, глядя сверху, я увидела не людей, в двух гигантских змей – белую и черную, которые свивали и развивали кольца, то переплетаясь, то изгибаясь волной, то свиваясь в клубок.

Как завороченная, я наблюдала за этим удивительным танцем, но обе «змеи» вдруг исчезли, арфы зазвучали особенно нежно и волнующе, а на каменную сцену выступили другие танцоры. Их было двое – мужчина и женщина, одетые в полупрозрачные ткани. Мужчина был крепким, высоким и темнокожим, как нубиец, а женщина, наоборот – светлокожей, с красивым и стройным телом. На головах у обоих были венцы, которые отбрасывали блики на тела артистов, создавая вокруг их лиц разноцветное искристое сияние.

Двигаясь под музыку, мужчина и женщина сблизились, и вдруг их одежды упали на пол, оставив танцоров совершенно обнаженными.

Они были сложены идеально, как статуи. Мужчина – с выпуклыми, четко обрисованными мышцами и уже полувозбужденным членом, женщина – с пышной высокой грудью и гладко выбритым лбом.

Я вцепилась в каменные перила балкона, не в силах оторваться от этого зрелища, а Хиан-Хор стоял совсем рядом, позади меня, и сквозь музыку арф я слушала его тяжелое дыхание.

А танец продолжался.

Белокожая женщина опустилась на колени, извиваясь всем телом, и нубиец, плавно и чувственно двигая бедрами под музыку, касался членом ее лица, проводил головкой по губам, щекам, лбу. Женщина пыталась поймать налитую кровью головку ртом, но нубиец играл, не позволяя приласкать свой член, оттягивая удовольствие обоих.

Вместе они напоминали брачную пару змей, которые извивались гибкими телами, прежде чем сплестись в любовной качке.

- Тебе нравится, великая? – услышала я шепот Хиан-Хора, но не смогла ответить.

Я смотрела на этот развратный и чувственный танец и думала, что хотела бы точно так же качаться в извечном танце любви. И даже больше. Я хотела танцевать любовный танец не с одним, а сразу с двумя. Взять в рот член Джета и раздвинуть бедра перед Хианом. Или оседлать Джета и подставить попку Хиану.

- Я горю точно так же, как этот чернокожий раб, - голос Хиана стал хриловатым и вкрадчивым, и в тот момент, когда черный член змеёй скользнул в рот артистке, в мою руку скользнул совсем другой член – гораздо больше, гораздо толще, чем член нубийца, и твердый, как камень.

- Царица... моя царица... - бормотал Хиан, целуя меня в шею всос и напирая членом.

Музыка рокотала, и мне казалось, что это не барабаны грохочут так оглушительно – это стучит моё сердце. Всё быстрее, сильнее, захлёбываясь в страстном порыве...

- Ну же,пусти своего мужа, - Хиан-Хор тяжело дышал и ритмично сжимал в ладони то одну мою грудь, то другую. – Нофру... Я и так слишком долго ждал...

Чужое имя заставило меня очнуться.

Но я – не Нофрурененут. Я – не царица.

- Подождите... - произнесла я с трудом, пытаюсь противостоять этой эротической атаке с двух сторон – и напором красивого и страстного мужчины, и спектаклем, который уже перешел в оргию, потому что остальные танцоры вернулись на сцену, сбросили темные и белые одежды, и слились во всевозможных позах.

Я закрыла глаза, чтобы не видеть этого разврата, но как можно было не слышать взволнованного мужского дыхания за спиной, как можно не чувствовать твердого и горячего мужского тела?..

- Подождите, - снова сделала я попытку остановить то, что вот-вот должно было случиться. – Это нельзя... Я не Нофру, не ваша жена... Произошла ошибка...

- Единственная ошибка – что мы до сих пор не вместе, - жарко выдохнул мне в ухо Хиан-Хор. – Но ты – моя жена, и я докажу тебе это.

Голова кружилась и от его голоса, и от бесстыдных, жарких прикосновений, и я уступала, уступала... хотя не должна была уступать...

Пальцы Хиана скользнули по моей груди, потом по спине, спустились ниже, прочертили глубокую линию между ягодицами, а потом вошли в меня, раздвигая нижние губы, проникая всё глубже.

- Ты там вся влажная, как только что раскрывшийся лотос, - нашептывал Хиан, вонзаясь в меня пальцами и выскальзывая, и снова вонзаясь. – Ты хочешь меня так же, как я хочу тебя. Открой глаза, посмотри, как меня переполняет желание...

Его слова гипнотизировали, лишали воли, и я послушно посмотрела вниз – туда, где к моему бедру прижимался огромный член второго царя.

Теперь я могла рассмотреть его – похожего на огромного медного змея, с такими же выпуклыми, налитыми венами, как у Джет-Хора. Да, я невольно сравнила их члены, и не смогла решить, какой красивее и... притягательнее. Как замороженная, я провела указательным пальцем по всей длине «медного змея». Он дрогнул и приподнялся под моей рукой, нацелившись в потолок, а Хиан-Хор застонал сквозь зубы, усилив пальцами атаку на меня. Но больше, чем откровенные ласки, меня возбуждал вид его чудовища, оказавшегося таким послушным под моей ладонью. И я уже сжимала пульсирующий член, проводя от головки до основания и обратно, наслаждаясь властью над ним, наслаждаясь его покорностью...

- Сильнее, Нофру... - Хиан накрыл мою руку своей рукой и задвигался вперед-назад в такт рокоту барабанов, будто продолжая развратный танец, который нам только что показали. – Сжимай сильнее! – стонал он. – Сильнее!..

Я тоже обезумела рядом с ним, и так же, как его член вот-вот готов был взорваться, так и я готова была кончить, даже не перейдя толком к любовному акту. Сейчас, совсем немного... ещё немного...

Хиан уперся лбом мне в висок, кусал за мочку уха, за шею, а потом просто схватил меня за подбородок, заставляя поднять голову, пытаюсь добраться поцелуем до губ.

И в этот момент я увидела, что на каменном балконе мы совсем не одни.

У стены, возле двери, стоял Менес, жрец Себека. Доверенное лицо царицы Нофрурененут. Жрец небрежно скрестил на груди мускулистые руки, украшенные золотыми браслетами на запястьях, лицо его было бесстрастным, но взгляд так и горел. Белки глаз поблескивали, как нарисованные белой эмалью, а набедренная повязка приподнималась спереди, пониже живота.

Я рванулась в сторону, выпуская из руки напряженный член Хиана-Хора, налетела на каменную колонну, бросилась в другую сторону, увернулась от Хиана Хора, который попытался поймать меня, шарахнулась от жреца, который продолжал стоять неподвижно, как ста-

туя, глядя на меня темным недобрым взглядом, выскочила за дверь, растолкав стоявших за порогом служанок и бросилась бежать, не понимая, куда бегу.

Куда-нибудь – главное, подальше. Подальше от искушения, от этой неприкрытой сексуальности, от развратников, которые превращали меня в такую же развратницу, как они сами.

Глава 8

- Значит, ты её упустил, - хмыкнул Джет-Хор, бросая на столешницу игральные палочки. – У меня пять, - он взял фигурку льва, искусно выточенную из белого камня, и отсчитал пять ходов по полю, изображавшему свернувшуюся в клубок змею.

Чтобы выиграть, нужно было как можно скорее добраться от хвоста змеи до её головы – от края спирали до середины. Джет-Хор играл белыми фигурами, Хиан-Хор – чёрными. Оба царя расположились на террасе, которая выходила в сторону реки, прогнали служанок и рабынь, и теперь сражались не на жизнь, а на смерть – причём не только на игровом поле, но и словесно.

- Ты сам не смог её удержать, - хмуро ответил Хиан-Хор, забирая черно-белые палочки в деревянную коробку, и встряхивая её. Палочки так же, как и фигурки, были выточены из белого нефрита и чёрного гагата. Длинной и шириной в палец, они гремели в коробке, и Хиан-Хор рассеянно прислушивался к этому грохоту. – Она сбежала от тебя ещё быстрее, чем от меня, - сказал он и выбросил палочки на стол. – У меня три, - он pokrивился, что ему выпало меньше ходов, чем соперницу, выбрал из черных фигурок ту, которая изображала барана, и отсчитал три деления на теле змеи.

- Ты просто её отвлёл, - огрызнулся Джет-Хор.

Теперь он собрал игральные палочки в коробку и яростно затряс ими.

- Ничего не понимаю, - задумчиво произнёс Хиан-Хор. – Моя жена всегда текла, как сучка, когда видела мистерии рабов и жриц Себека. Когда они сношались перед ней, она кончала по десять раз подряд, а теперь... Убежала и даже ладонью прикрывалась, будто прекратилась в скромницу.

- Нефрет раньше заставляла меня вылизывать её по два часа, - мрачно заявил Джет-Хор, выбрасывая свой ход. – А в этот раз не подействовало. Разве может быть такое, что вчера женщина любила, когда ей лизали промежность, а сегодня краснела, как девочка, от такой ласки?

- Просто это – не твоя жена, - парировал Хиан.

- Не моя жена, а твоя? – иронично спросил Джет. – Которая вчера обожала смотреть, как трахаются жрицы Себека, а сегодня превратилась в самую целомудренную женщину в мире?

- И что теперь делать? – Хиан откинулся на подушки, заложив руки за голову и глядя в потолок. – Сейчас последний месяц сезона шему, и если к концу сезона ахет мы не разберемся с этой дочерью крокодила, урожаи погибнут.

- За три месяца разберемся, - угрюмо ответил Джет.

- Ты в это веришь? – фыркнул Хиан. – Она сопротивляется, как дикая кошка! Вчера я почти добрался до её нутра, но она не далась.

Оба царя погрузились в невесёлые раздумья, позабыв об игре.

- Пришел жрец Ка, - объявил слуга из-за занавески, отделявшей террасу от коридора. – Прикажете впустить?

- Опять этот шакал пустыни, - сквозь зубы пробормотал Хиан, но тут же громко сказал:

- Пусть войдёт!

Морщинистый жрец тут же проскользнул под услужливо приподнятой занавеской – смуглый, лысый, больше похожий на старую черепаху, чем на шакала, с которым его сравнили.

- Благоденствия вам, великие, - он поклонился и подошел к столу, где лежали позабытые фигурки и игральные палочки. – Мне рассказали, ваши попытки сблизиться с царицей не удались? – он посмотрел на царей по очереди, и те отвели глаза.

- Она и правда сильно переменялась после путешествия в царство мёртвых, - пробормотал Джет.

- Но мы стараемся, - заверил жреца Хиан.
- Но увенчаются ли ваши старания успехом? – со скрытой насмешкой спросил старик.
- И что ты предлагаешь? – вспыхнул Джет. – Как мы узнаем, кто эта дочь крокодила – Нефрет или Нофру? Их не мог различить даже родной отец!

Хиан кивнул в подтверждение его слов и сказал:

- Загадка не из лёгких. Но мы приложим все усилия, чтобы разгадать её до сезона ахет.
- Судя по тому, как вы начали, разгадывать будете долго, - сказал жрец, потирая сухонькие ладони.

Хиан внимательно посмотрел на него:

- Если знаешь, что предложить, то предлагай сразу.

Джет встрепенулся и замер, весь обратившись в слух.

- Выход один, великие, - сказал жрец Ка торжественно. - Вы должны овладеть царицей оба. На чьей земле пойдет дождь, та царица и выжила, и счастье будет тому краю.

Цари переглянулись, и глаза у Хиана вспыхнули, а Джет затрепетал ноздрями.

- Овладеть оба? – насмешливо переспросил Хиан. - Вдвоем?

Джет невесело рассмеялся.

- У вас три месяца, чтобы заставить её захотеть вас, - веско произнёс жрец, и цари стали серьёзными. – Сделайте так, чтобы она захотела вас обоих. И тогда мы узнаем правду – какая земля спасется, а какая погибнет.

- Она и по одиночке нам не уступает, - сказал после некоторого молчания Джет, - а ты предлагаешь, чтобы мы соблазнили её вдвоем?

- Да, предлагаю, - жрец улыбнулся, отчего морщины ещё глубже прорезали его лицо. – Проявите смекалку, великие. Есть много способов, чтобы заставить женщину уступить страсти. Проявляйте к ней больше внимания, но не напугайте, как раненные бегемоты. Есть вино, есть приятные глазу зрелища...

Тут Хиан хмыкнул, но ничего не сказал.

- ...есть подарки, наконец. Проводите с ней больше времени, покажите, что она дорога вам, интересна, и что чувства вспыхнули, как ночные звезды.

- Для жреца ты очень неплохо соображаешь, как вести себя с женщиной, - заметил Джет.

- Жрецам ведомо многое, - произнёс Ка со спокойным достоинством. – В том числе и тайны человеческой души. Конечно, никто не может с достоверностью сказать, что происходит в душе женщины, но вы можете узнать о слабостях царицы. Узнайте, что ей больше всего нравится – и сыграйте на этом.

Когда жрец удалился, цари хмуро переглянулись.

- Насоветовал, что делать, да всё не по делу, - мрачно сказал Хиан.

- Почему же? – задумчиво ответил Джет. – Попробуем сделать так, как он сказал. Сегодня ясная погода – пригласим дочь крокодила прокатиться на лодке. Она точно не откажется.

- Моя лодка отлично подойдет, - согласился Хиан.

- Моя, - запротестовал Джет. – Моя больше, и ход у неё ровнее.

- С чего бы это? – насмешливо спросил Хиан. – Мою лодку делали лучшие мастера, она утяжелена по дну и...

- Не будем спорить, - прервал его Джет. – От споров наша дражайшая супруга ноги быстрее не раздвинет. Поплывём на её лодке. А чтобы всё выглядело невинно – сыграем в мехен. И предлог, и развлечение.

Хиан исподлобья посмотрел на него, соображая, нет ли подвоха, а потом согласился:

- Хорошо. Даже если эта шакалица не даст нам, развлечемся игрой.

Цари не стали медлить, и приказали, чтобы лодка царицы была готова после обеда. Так же был вызван писец и ему надиктовали самое нежное и любезное письмо, приглашая царицу на послеобеденную прогулку по реке.

Писец составил послание, цари приложили к нему печати, и с нетерпением стали ждать ответа. Прождать им пришлось долго, но перед самым обедом принесли ответ: царица мило-стиво принимает приглашение и согласна разделить послеобеденный отдых с великими.

- Ключула, - самодовольно сказал Джет, прочитав письмо. – Теперь можно спокойно подкрепиться.

Цари расположились не террасе, поглядывая на голубую ленту реки, и с удовольствием попробовали копчёную дичь, нарезанную тонкими ломтиками, жареных бекасов с хрустящей корочкой, к которым подали пшеничный хлеб – белый и пористый. Не оставили цари вниманием и огромное блюдо с салатом-латуком. Посмеиваясь, они ели хрустящие сочные листья, обмакивая их в острые соусы. Всем известно, что салат-латук увеличивает мужскую силу, поэтому когда надо произвести впечатление на царицу, которая внезапно превратилась в скромницу, самое время подкрепить и мышечные силы, и внутренние.

На сладкое подали булочки в меду, подслащенное мёдом молоко и фрукты.

От пива цари отказались, не желая опьянеть раньше времени, зато съели по горсти сушеных фиников – почти черных, наполненных медовой сладостью, потому что финики усиливали мужскую привлекательность и придавали поцелуям сладость.

Когда с обедом было покончено, но ещё около часа царям пришлось ждать, пока царица соизволит выйти из своих покоев. Они расположились на её лодке, под белым шатром, на толстых коврах, и играли в мехен, то и дело поглядывая в сторону дворца. Несмотря на то, что обед только что закончился, на низком столике стояли блюда с нарезанными фруктами, и чаши с молодым вином.

- Ну что она так долго? – не выдержал Джет. – Может, передумала?

Хиан не успел ответить, потому что в это время из дворца показалась процессия – в сопровождении слуг царица шла к берегу, к пристани, где была пришвартована лодка.

- Закуталась, будто сейчас холодно, как в сезон *перет*, - усмехнулся Хиан.

- Ничего, - ответил ему Джет, - зато интереснее будет снять с неё все эти покровы. Разберем её на листочки, как кочан латука.

Цари посмеялись над шуткой, не сводя глаз с царицы, которая уже поднималась на палубу.

Джет подумал, что пребывание в царстве мертвых пошло его жене на пользу – лицо стало нежнее и утонченнее, и в глаза, как будто, прибавилось блеска и глубины.

Но он тут же оборвал себя – к чему мысли о глазах, когда надо сосредоточиться на теле?

А белые льняные одежды не скрывали совершенства, с которым была сложена царица. Тонкое гибкое тело, округлые бёдра, крепкая маленькая грудь – давно он не наслаждался этим телом. Несмотря на мерзкий характер жены, её тело ему не надоело, и он не отказался бы приложиться к нему как можно скорее. Жаль, что придётся терпеть рядом Хиана...

- Доброго тебе дня, чудесная, - Хиан опередил его и вскочил навстречу царице. – Если ты готова, то мы отплываем прямо сейчас.

- Небо ясное, река спокойна, - не пожелал отставать от него Джет и тоже поднялся, чтобы приветствовать женщину, - получим от этой прогулки удовольствие и приятно проведем время.

Они одновременно схватили царицу за руки, но она только молча кивнула и высвободила пальцы из их ладоней.

«Какая недотрога!», - подумал Джет со злостью, потому что даже этого короткого прикосновения хватило, чтобы его член налился тяжестью и упёрся в ткань набедренной повязки.

- Садись рядом с нами, - предложил Хиан, чья набедренная повязка спереди уже тоже была плотно натянута поднявшимся членом. – Мы решили сыграть, можешь поставить на мою победу.

- Или на мою, - подхватил Джет. – Потому что я обязательно выиграю.

- Мечтай! – высокомерно сказал Хиан.

- Я сяду здесь, - заговорила царица, и оба царя замолчали, уставившись на неё и ловя каждое слово. – Здесь мне будет удобнее, - она опустилась на подушки у столика с фруктами и взяла ягоду инжира, вываренную в меду.

Джет и Хиан вернулись на свои места, возобновив игру, и время от времени бросая на царицу быстрые взгляды.

Лодка отчалила от берега и поплыла, покачиваясь на волнах. Стало прохладнее, подул свежий ветер, заколыхав белые занавесы шатра. Царица смотрела на реку и явно наслаждалась путешествием, не обращая внимания на мужчин. Это злило и возбуждало одновременно, и Джет заёрзал, сидя на ковре.

Хиан насмешливо посмотрел на него, догадавшись о причине зуда кое в каком месте, и выбросил на стол каменные палочки, чтобы определить количество ходов.

Стук камешков о столешницу привлёк внимание царицы, и она перевела взгляд на игровое поле.

Хиан и Джет не поняли, что так её заинтересовало, но женщина тут же позабыла о сла-
достях и придвинулась поближе к столику.

- Это же мехен! – воскликнула она и тут же смущенно замолчала.

- Ну да, - подтвердил Джет, немного удивлённо.

- Могу ли я... - она робко и одновременно лукаво затрепетала ресницами.

- Всё что попросишь, - пылко заверил её Хиан, опередив Джета.

- Эй, это я выполняю все желания своей жены, - поторопился не остаться в стороне Джет.

- Это моя жена, - завёл Хиан уже привычную песню.

- Ты что себе позволяешь? – вскипел Джет.

- Я всего лишь хотела узнать правила игры, - мягко прервала их готовую начаться ссору царица, и мужчина мгновенно примолкли. – Прошу вас, объясните, как играют в мехен?

У Хиана сам собой раскрылся рот. Раньше его змея лишь требовала дорогих подарков – золотых и нефритовых украшений, новую лодку, красивого раба, паланкин для путешествий... А теперь она решила узнать правила игры? Хиан посмотрел на каменное поле, на котором извивалась, совсем как настоящая, высеченная в сером халцедоне, змея – и ему стало смешно. Змея спрашивает, как играть в змею?

Но грязный бегемот Джет ухмыляться не стал, а бросился объяснять правила мехена, показывая царице фигурки-фишки и палочки, окрашенные в два цвета.

Хиану оставалось только скрипеть зубами, глядя, как соперник завладел вниманием его жены, и пользуется случаем, чтобы поддержать её за руку или прикоснуться к плечу.

Царица слушала с необычайным вниманием, и между бровей появилась еле заметная морщинка – почему-то это взволновало и обидело Хиана. К чему обижаться? На что обижаться?

- Слишком сложно, - царица прервала вдруг Джета и улыбнулась, словно извиняясь. – Мне трудно всё запомнить. Я или знала и забыла... Или не знала совсем...

Хиан увидел в красивых темных глазах испуг и сомнение, и заторопился оттеснить болтуна Джета:

- Ты можешь лучше узнать правила, если будешь следить за игрой, - сказал он и взял женщину за руку, осторожно, но непреклонно потянув к себе. – Садись рядом со мной, я буду объяснять тебе всё по ходу игры.

Его ход удался, и прежде, чем Джет успел возразить, царица пересела на подушки рядом с Хианом.

- Смотри, - с трудом скрывая торжество, сказал Хиан: - я выбросил три палочки, и они показали мне пять ходов. Потому что вот эта упала вверх белой стороной, а эти – чёрной...

- Ясно, - прошептала царица, разглядывая каменное поле, на котором спиралью завивалась змея. – А почему фигурки разные?

- Потому что это – игра царей, - теперь объяснял Джет, которому нре терпелось перетянуть на себя внимание женщины. – Земледельцы играют одними «солдатами», вот они, - он показал фигурку воина, - купцы добавляют ещё «собак», а царям полагается играть ещё и «львами».

- Как интересно... - она взяла фигурку льва, рассматривая её.

- Я хожу, - громко сказал Хиан и будто нечаянно положил руку на колено царице. – Мои пять ходов, и пойду я «солдатом».

Глава 9

Правила игры в мехен! Да об этом можно было написать сенсационную диссертацию! Поэтому я не раздумывая подсела поближе к Хиан-Хору.

Самая древняя в мире игра – названная по имени богини-змеи, охранявшей солнце. До нашего времени никто не смог разгадать правил этой игры. Кое-что известно только по видоизменённому варианту мехена, который сохранился в арабской культуре.

В мехен играли крестьяне, воины, купцы и фараоны. В Книге Мёртвых есть упоминание о мехене.

Если я вернусь...

Тут я мысленно поправила себя: когда я вернусь, то смогу сделать переворот в мире изучения истории, раскрыв настоящие правила игры в мехен.

Докторская диссертация! Признание египтологов всего мира!..

Вот только ладонь царя Хиана слишком откровенно легла на моё колено. И жжёт меня даже через ткань льняного платья...

Я постаралась незаметно убрать руку мужчины, и он подчинился, зато Джет, который до этого сидел с недовольным лицом, ухмыльнулся в открытую.

Мы сидели в легком шатре, края которого были приподняты, чтобы можно было любоваться рекой. Где-то наигрывала на арфе невидимая арфистка, и не было слышно ни голосов и шагов слуг, ни даже команд капитана – как будто на лодке находились только я и двое царей.

Мне стало жарко, хотя от реки тянуло прохладой. Тонкая, почти невесомая ткань, ощущалась теперь всей кожей. С каким удовольствием я сняла бы с себя всё, это хоть немного остудило бы меня. Хотя... разве можно оставаться спокойной, когда рядом с тобой находятся такие красавцы? Притом, оба – полуголые, и смотрят на тебя, как на желанную добычу...

- Теперь мой ход, - заявил Джет, собрав палочки, засыпав их в деревянный тубус, и энергично потряс.

Ему выпало «шесть», и Джет-Хор удовлетворённо хохотнул, продвигая своего «солдата» на шесть делений.

- Ему всегда везёт, - пояснил мне Хиан, соирая палочки, чтобы сделать следующий выброс, - но в стратегии он ничего не соображает. Мало выбрасывать много, надо ещё соображать, на сколько делений идти.

Я слушала очень внимательно, и пропустила момент, когда левая рука Хиана обвила меня за талию.

Джет заметил это первый и теперь метал взглядом молнии.

Постаравшись вывернуться из объятий Хиана, я неловко толкнула чашу с вином. Она опрокинулась, и каменные палочки, которые только что метнул Джет, были залиты темно-красной ароматной жидкостью.

- Простите, - пробормотала я, покраснев от смущения за собственную неловкость и от того, что рука Хиана переместилась мне на ягодицу, бесстыдно сжав.

Всё во мне мгновенно отозвалось на это прикосновение. И ещё больше взволновал потемневший взгляд Джета, который прекрасно понимал, что происходит. Понимал, но почему-то не препятствовал Хиану. Как будто предлагал мне самой определиться – чего я хочу. Или – кого я хочу.

Но... кого я хочу на самом деле?..

Сердце забилось быстро, как сумасшедшее, я со всхлипом втянула воздух, и тут Хиан взял одну палочку со стола. На каменной поверхности блестели капельки вина – будто брызги рубинов.

- Тут всё залито, - произнёс Хиан-Хор низким, тягучим голосом, и от звука этого голоса я задрожала ещё сильнее, чем от прикосновения ладони к собственной попке.

- Надо вытереть... - забормотала я и хотела подняться, но Хиан удержал меня, обхватив за талию.

- Успеем, - сказал он и поднёс палочку к моим губам. – Ты так и не выпила вина, царица. Оно восхитительно. Но теперь вино разлито, и его не собрать обратно в чашу. Только и остаётся, что слизнуть эти капли. Ну же, лизни. Попробуй, как вкусно.

Что-то случилось со мной, потому что голос царя подействовал на меня гипнотически. А может, подействовал не голос Хиана, а взгляд Джета, который забыл об игре и о пролитом вине, и уставился на мои губы.

Как заколдованная, не сводя глаз с золотистого лица Джета, покрытого мелкими бисеринками пота, я открыла рот и лизнула палочку, которую поднёс к моим губам Хиан.

Вино ожгло язык точно так же, как мою кожу обжигало прикосновение руки Хиана.

- Вкусно? – вкрадчиво спросил Хиан. – А теперь облизни её всю... Будет ещё вкуснее...

Прозвучало это так развратно, что я прерывисто задышала, а Джет подался вперёд, вцепившись в столешницу, будто сдерживался из последних сил.

Но в этот момент мне ничего так не хотелось, как подчиниться. Подчиниться этому голосу, этому взгляду, подчиниться прикосновениям и мужской силе.

И я покорно облизнула сначала кончик каменной палочки, а потом втянула её в рот, посасывая, слизывая капли вина с каменных граней.

Цари следили за мной, будто от этого зависела их жизнь. Хиан медленно двигал палочкой, то вытаскивая её из моего рта, то вводя обратно, и мы все понимали, на что это похоже.

Я вспомнила, что произошло между мной и Джетом в бассейне, и застонала, сжимая колени, чтобы унять желание, нахлынувшее на меня волной, захлестнувшее с головой, грозящее утащить на самое дно.

Сильная рука Хиана подхватила меня под спину, мягко уложила на подушки, и сам мужчина наклонился надо мной.

- Не останавливайся, - прошептал он, продолжая атаковать палочкой мой рот. – Как бы я мечтал, чтобы ты облизала меня так же...

Я утонула в тёмных глазах, потеряла разум и стыд, а когда представила, что произойдёт со мной, если вместо камня Хиан поднесёт к моим губам свой член – застонала снова.

И в этот самый момент совсем другая рука – но такая же крепкая и сильная, как рука Хиана, скользнула по моей ноге от щиколотки до колена, и нырнула под льняные одежды, добираясь до самого моего потайного места, которое сейчас просто плавилось, требуя мужского прикосновения.

Невольно я сжала колени, чтобы не пропустить эту жадную и горячую руку выше, но тут раздался такой же вкрадчивый голос царя Джет-Хора:

- Не бойся, великая. Мы не причиним тебе вреда... Я только поглажу тебя вот здесь...

Пальцы его защекотали мою кожу на внутренней стороне бедра, и я сдалась, раздвинув колени и пропуская его.

- Ты такая красивая... Особенно здесь... - продолжал нащёптывать Джет, лаская меня сначала осторожно, а потом, не встретив сопротивления, смелее.

Но я и не думала сопротивляться. Всё, чего я хотела – чтобы Джет коснулся меня там, где всё горело, требуя проникновения, вторжения, подчинения. Я никогда не испытывала такого головокружительного возбуждения, и никогда не думала, что окажусь настолько развратной, что позволю двум мужчинам одновременно ласкать себя, потому что Хиан уже вынул палочку из моего рта и заменил её своим пальцем, проводя по моей губе, щекоча кончик языка, и при этом покусывал и лизал мочку моего уха, заставляя меня стонать от удовольствия и желать гораздо, гораздо большего.

Пальцы Джета уже проникли в меня и теперь двигались ритмично вперёд-назад, и я двигалась в такт с ним, извиваясь всем телом, потираясь о его руку, и не стала противиться, когда он перевернул меня на бок, принявшись поглаживать мои ягодицы.

- Какая горячая змейка, - хрипло прошептал Хиан, - если бы ты ещё так же вылизала мой член...

Не знаю, что бы я ответила ему, и смогла бы ответить, если его палец таранил мой рот, но в это время Джет, не вынимая пальца из моей киски, раздвинул мои ягодицы, и я ощутила, как каменная палочка захладила мой анус, проталкиваясь внутрь.

Глава 10

Теперь женщина замычала не от удовольствия, а испуганно, забившись в их руках

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.